

XVe, 21

<36613832670010

<36613832670010

Bayer. Staatsbibliothek

с
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТИПЫ.

О Ч Е Р К И

[Vladimirovica]
Всеволода Крестовскаго.

Издание второе

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

Издание В. Е. Генкеля.

За 1641539

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ,
10 Мая 1867 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Въ типографіи В. Спиридонова
(Б. Подъяческая, № 19).

I.

ПЕТЯ ВИЛЯЕВЪ.

Одна изъ характеристическихъ чертъ уличной и общественной жизни Петербурга, это тѣ юные млекопитающіеся, съ англійскимъ проборомъ назади и гривенникомъ въ карманѣ, которыхъ вы можете видѣть ежедневно — стоитъ только выдти на Невскій проспектъ, около двухъ или трехъ часовъ пополудни, когда онъ дѣлается, въ нѣкоторомъ родѣ, ареной для моціона и тщеславія всего истиннаго и сомнительнаго фешена нашего хорошаго, но подчасъ отвратительнаго города.

Типомъ этихъ господъ является Петя Ви-

ляевъ. Млекопитающееся сіе очень юно: ему
неболѣе осьмнадцати лѣтъ; принадлежитъ
оно къ многочисленному семейству недорос-
лей изъ дворянъ, и въ силу этого обстоятель-
ства, считаетъ постыднымъ для своей чести
и дворянскаго достоинства какое либо дѣль-
ное занятіе, кромѣ шатаній по Невскому и
инымъ общественнымъ мѣстамъ, что совер-
шается имъ весьма аккуратно, добросовѣстно
и даже серьезно.

Вы не могли не встрѣчать Пети Виляева,
если только выходили на Невскій, ибо Петя
Виляевъ необходимый, присяжный членъ этого
проспекта. Для него проспектъ — все: и роди-
на, и салонъ, и кухня, и даже возвышенная
страсть его сердца. Я подозреваю, что онъ
влюбленъ въ Невскій проспектъ.

Петя Виляевъ, какъ сказано уже, очень
юный и очень розовый телецъ, только увы!...
телецъ не упитанный. Онъ жительствоетъ
гдѣ-то очень далеко, не то въ Коломнѣ, не
то за Измайловскими ротами, однимъ словомъ,
что называется «у чорта на куличкахъ». И

вообразите себѣ, что отъ этихъ чортовыхъ куличекъ, несчастный Петя, обрекая себя на вольную казнь, принужденъ ежедневно шагать, по образу пѣшаго хожденія, на Невскій проспектъ, непремѣнно къ урочному часу, и потомъ разъ пять пройтися отъ Полицейскаго до Аничкова моста, т. е. дѣлать свой фешіонебельный променады и затѣмъ отправляться обратно къ чорту на кулички, не смѣя даже помыслить о соблазнѣ, представляющемся въ видѣ мизерныхъ извозчиковъ!... Вы при этомъ, я увѣренъ, пожмете плечами и скажете: «жалкое существованіе!» а между тѣмъ Петя какъ нельзя больше доволенъ и своимъ моціономъ, и своею судьбою.. Ежедневно, во всякое время года, будетъ ли то іюльскій зной или январская двадцатиградусная стужа, сей вольный страдалецъ появляется на тротуарѣ проспекта въ своемъ вѣчномъ, обычномъ, неизмѣнномъ «вешнемъ пальтецо», какъ назвалъ его однажды одинъ мой пріятель; въ пальтецо, необыкновенно изящно и тепло подбитомъ божьимъ вѣтромъ и

весьма удобно допускающемъ до тѣла всякое
благораствореніе воздуховъ. Что одежда эта,
безспорно, удобна при двадцати градусахъ
тепла, я вполне убѣжденъ; но какъ злосчаст-
ный Петя Виляевъ ухищряется не заоче-
нѣть въ ней при двадцати-градусномъ моро-
зѣ и какъ еще доселѣ бранные останки его
тѣла не покоятся на Волковомъ кладбищѣ —
это уму моему рѣшительно непостижимо! И
лѣтомъ, и зимой онъ проходитъ, въ урочные
часы, мимо меня, все тѣмъ же безпечно-само-
довольнымъ и неторопливымъ шагомъ гуля-
ющаго человѣка, которому, послѣ сытнаго
завтрака и съ полнымъ бумажникомъ въ кар-
манѣ, некуда спѣшить; проходитъ въ своей
высокой шляпѣ на англійскій манеръ, въ сво-
ихъ туго-накрахмаленныхъ фальшивыхъ во-
ротничкахъ, которые продаются въ гостин-
номъ дворѣ по 30 коп. за штуку и употреб-
ляются для наружной замѣны голландскаго
бѣлья, въ своихъ вѣчно свѣжихъ перчаткахъ
блѣдно-сиреневаго цвѣта, съ шикомъ выстав-
ляя ихъ на показъ морозу и прохожимъ

(впрочемъ, не знаю, для кого болѣе), и проходить этимъ не торопливымъ шагомъ, весь посинѣлый отъ холоду, даже въ то время, когда люди, въ еноты закутанные, спѣшатъ, уткнувшись въ воротники, поскорѣе убраться отъ мороза во свояси, въ теплую комнату. А ему все ни-по-чемъ! Онъ даже чувствуетъ себя героемъ и отважно борется съ морозомъ, вставивъ въ глазъ стеклышко и, съ видомъ великосвѣтскаго донъ Жуана и денди, лорнируя встрѣчныя женскія шляпки, лпчики и салоны.

Вотъ мчится щегольская коляска, запряженная парой кровныхъ сѣрыхъ рысаковъ; въ коляскѣ нагло развалилася уже поблѣвшая, но все еще почему то продолжающая блистать красавица; мчится она, покрытая чернобурою медвѣжьею полостью, закутанная въ бархатъ и соболя, мчится и киваетъ головою разнымъ худосочнымъ чадамъ большого свѣта и большихъ откупщичьихъ капиталовъ — и Петя Виляевъ, скорчивъ наипрїятнѣйшую улыбку, приподнимаетъ свою англійскую шля-

пу и посылаетъ фамиллярно милый поклонъ этой жалкой пародіи Фринъ и Аспазій. Quasi-Аспазія и не замѣтила этого фамиллярнаго поклона, да и гдѣ ей замѣтить, если она и въ глаза то никогда и нигдѣ не видала Петю; но Петя все-таки непремѣннымъ долгомъ своимъ считаетъ поклониться ей и при этомъ пытливо окинетъ взоромъ встрѣчныхъ прохожихъ: замѣтили ли, дескать, мой поклонъ? И если кто либо замѣтилъ, Петя счастливъ уже совершенно и еще съ большею гордостью подымаетъ свою телячью головку. Вотъ проходитъ старецъ съ необыкновенно важной осанкой истаго сановника и аристократа—Петя и ему отвѣшиваетъ поклонъ почтительно любезнѣйшаго свойства. Аристократъ изумленъ, оглядываетъ его съ головы до ногъ, но вѣжливо откланивается. Петѣ отчасти неловко, но онъ радъ, онъ доволенъ, что сановнику поклонился и сановникъ замѣтилъ его. Вотъ попадаются на встрѣчу ему такіе же млекопитающіеся юноши, какъ и онъ самъ—и Петя, взявшись съ ними подъ

руки, цѣпью въ четыре-пять человѣкъ, шествуетъ далѣе, разсказывая, какъ Берта звала его нынче въ театръ, а потомъ къ себѣ чай пить (Берта, та самая, которая только что промчалась въ коляскѣ), какъ саиовникъ графъ П. раскланялся съ нимъ и замѣтилъ, что нынче хорошая погода и много гуляющихъ.

Всѣ эти Петя, Вани, Миши и Коля, шествуя подъ руки, непремѣнно пересыпаютъ свои разговоры и замѣчанія именами Бертъ и Луизъ и титулами князей, бароновъ и графовъ, дабы обратить на себя вниманіе скромныхъ прохожихъ.

Но вотъ желудокъ Петя Виляева начинаеть протестовать противъ моціона, который съ каждымъ шагомъ возбуждаетъ все болѣе и болѣе голодъ этого злосчастнаго желудка. Петя ощупываетъ свой карманъ, но тамъ — увы!... тамъ грустно побрякиваютъ два пятакъ, которыхъ слишкомъ недостаточно для пріобрѣтенія обѣда съ соотвѣтственною званію его приличной закуской, да притомъ Петя и не рѣшится разстаться теиерь съ дву-

мя пятаками, ибо лелѣетъ ихъ на другую необходимую и элегантную потребность. Денегъ у него обыкновенно никогда не бываетъ, а если и бываетъ, то весьма нечасто и въ самомъ ограниченномъ количествѣ; перепадаютъ онѣ къ нему въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ является къ бабушкѣ или къ престарѣлой тетускѣ своей, въ высокотожественные праздники и дни тезоименитства бабушки и тетуски, и когда та или другая, въ видѣ поощренія за родственныя чувства, подарить ему нѣсколько рублей, изъ коихъ первый, самый насущный расходъ, составляютъ — свѣжія блѣдно-сиреневыя перчатки и новый шнурочекъ къ стеклышку.

И такъ, не смущаясь печальнымъ позвякиваніемъ пятаковъ, Петя самоуверенно входитъ въ ресторанъ, неторопливо садится къ столу въ наиболѣе людной комнатѣ, къ столу, на которомъ замѣчаетъ наибольшее количество бѣлаго хлѣба, и спросивъ, себѣ карточку, небрежно пробѣгаетъ ее сквозь свое вставленное въ глазъ стеклышко.

— Порцію ростбифу и рюмку водки съ пирожкомъ! приказываетъ онъ лакею, какъ человекъ, имѣющій въ запасъ достаточное количество финансовъ.

Черезъ минуту рюмка водки, пирожокъ и ростбифъ являются передъ его носомъ—и Петя Виляевъ начинаетъ поглощать вкусно приготовленное мясо, напирая болѣе всего на безвозмездно предлагаемый хлѣбъ. Когда эта скромная трапеза пришла къ окончанію, онъ вынимаетъ изъ портсигара папироску—одну изъ тѣхъ трехъ или четырехъ, которыя пріобрѣлъ, или, вѣрнѣе сказать, похитилъ изъ пачки со стола у одного знакомаго, утромъ. Закуривъ ее и небрежно ковыряя въ зубахъ перышкомъ, онъ начинаетъ бродить по разнымъ комнатамъ ресторана; то зайдетъ въ бильярдную поглядѣть на играющихъ, то завернетъ въ читальную пробѣжать новости текущаго дня и проглядѣть афиши (афиши его особенно интересуютъ), Между тѣмъ. Петя успѣлъ обогрѣться и проволочить время часовъ до пяти, до шести; въ ресторанѣ

оставаться далѣе не зачѣмъ, и потому, на-
двинувъ на брови шляпу, онъ самоувѣренно
и съ достодожнымъ достоинствомъ направ-
ляется къ выходу.

— А за порцію ростбифу и рюмку водки
съ пирожкомъ прикажете, господинъ, полу-
чить-съ? весьма вѣжливо вопрошаетъ его ла-
кей, внезапно появляющійся передъ нимъ у
самого выхода.

— Отдано уже... Я у буфета самъ распла-
тился, отвѣтствуетъ Петя, ни на мигъ не
емутиаясь и не теряя своего достоинства.

Человѣкъ въ затрудненіи, но Петя ловко
проскальзываетъ мимо его и вотъ онъ уже на
улицѣ, почти внѣ опасности, и торопится по-
скорѣе замѣшаться въ толпу и удрать пода-
лѣе отъ ресторана, во избѣженіе могущей
быть погони.

Такимъ образомъ Петя Виляевъ соверша-
етъ обыденное странствіе свое по рестора-
намъ, разнообразя и чередуя ихъ между со-
бою, дабы не примелькалась тамъ фізіономія
его. Когда же почему либо не удастся насы-

тится ему посредствомъ ресторана, то онъ не пренебрегаетъ и другими, болѣе упрощенными способами питанія, а именно: зайдя въ отдаленную и пустую улицу, покупаетъ у сачника калачъ, и, укрывшись въ какомъ нибудь темномъ подъѣздѣ, скромно и уединенно удовлетворяетъ требованіямъ своего желудка; либо заходитъ въ бакалейныя и фруктовыя лавки, въ одной посмакуетъ на пробу сыровъ различныхъ, поторгуется, не купитъ и уйдетъ; въ другой отвѣдаетъ колбасъ разнообразныхъ, въ третьей пкры паюсной и салфеточной, въ четвертой балыка новопривознаго и ветчины вестфальской — и такимъ образомъ, послѣ обхода пяти, шести лавокъ, Петя Впляевъ, глядишь, и заморилъ червячка. Между тѣмъ, отъ пяти до семи часовъ необходимо какъ нибудь убить свое время. Все, что носитъ наименованіе петербургскаго фешена, съ Невскаго проспекта уже удалось, а потому и Петя Впляевъ не остается тамъ долѣе, считая это несоотвѣтственнымъ своему элегантному достоинству, и укрывается

подъ сѣпъ пассажа, гдѣ, по крайней мѣрѣ, не столь жестоко донимаетъ его петербургскій морозъ. Глазѣя на всевозможныя бездѣлюшки, эффектно выставленныя въ зеркальныхъ окнахъ освѣщенныхъ магазиновъ, онъ дотягиваетъ время до семи часовъ и направляется въ театру. Тутъ-то вотъ и понадобились ему два пятака, взлелѣянные имъ парочно для этого случая. Заплативъ сторожу за право повѣсить на вѣшалку свое внешнее пальтецо, онъ пробирается въ курильную комнату, гдѣ остается до перваго антракта.

Въ антрактѣ Петя съ независимымъ видомъ входитъ въ партеръ, раскланивается съ двумя-тремя знакомыми и помѣстясь у эстрады оркестра, какъ истый денди, начинаетъ лорнировать логи бенуара и бельэтажа, посылая туда (и самъ не зная кому) легкіе полупоклоны съ наипріятнѣйшими улыбками. Но вотъ занавѣсъ подымается—и Петя, какъ ни въ чемъ не бывало, садится на генераль-губернаторское или оберъ-полиціѣмейстерское кресло перваго ряда и любитъся пьесой, «про-

тежпруя» какойнибудь актрисѣ, которая имѣетъ счастье нравиться въ этотъ вечеръ ему, Петѣ Виляеву. Случается, что Петю очень часто сгоняютъ съ занятаго имъ мѣста, но онъ, ни мало не смущаясь этимъ, перемѣщается на другое, пониже; если владѣлецъ кресла и отсюда попросить его удалиться, онъ очень любезно скажетъ: «ragdon! я ошибся мѣстомъ!» и пересядетъ еще ниже, въ послѣдніе ряды, гдѣ ужь непременно хоть одно кресло да остается незанятымъ. И такимъ образомъ, пофигюрировавъ въ партерѣ, достаточно похлопавъ и удовлетворивъ эстетическимъ потребностямъ души своей, Петя Виляевъ, очень довольный истекшимъ днемъ, самимъ собою и судьбою своею, отправляется въ свое мирное обиталище, къ чорту на кулички, чтобы успокоиться послѣ столь разнообразныхъ ощущеній нынѣшняго дня и собраться съ силами къ завтрашнему, который пройдетъ точно также, какъ и сегодняшній, какъ проводилось и будетъ еще проводиться множество подобныхъ дней Петей Виляевымъ, непремѣннымъ членомъ Невскаго проспекта.

Пети Виляевы въ Петербургѣ довольно общес явленіе; они, какъ мы сказали уже, составляютъ даже одну изъ характеристическихъ чертъ его, и мы лишь въ силу этого, набрасывая легкій очеркъ подобнаго Пети Виляева, надѣемся остаться совершенно правыми, причисливъ его къ явленіямъ болѣе печальнымъ, нежели смѣшнымъ.

II.

БОГДАНЪ СІОНЫЧЪ.

Богданъ Сіонычъ принадлежалъ во время оно къ числу «восточныхъ челоуѣковъ», тѣхъ самыхъ, которые съ умиленной гордостію и уваженіемъ говорятъ о своей расѣ: «о! восточна чаловѣка — гароша чаловѣка: съ ганжаламъ ходить, мамунька! круто носить!» и при этомъ съ достоинствомъ указываютъ на оправу рукоятки своего кинжала, а другой рукой поглаживаютъ за поясницею.

Почему онъ назывался Богданомъ Сіонычемъ, — бытописатель типовъ петербургскихъ объяснить сего не можетъ; и есть ли такое имя въ святцахъ, тоже не знаетъ, ибо вообще считаетъ себя довольно слабымъ въ номиналистикѣ сего рода. Впрочемъ, для сущности разсказа, какъ бы ни назывался онъ: Богданъ Креттовскій, Типы.

Іошычъ, Богданъ Леонычъ, или Богданъ Сіонычъ,—это рѣшительно все равно; дѣло не въ имени, а въ самомъ Богданѣ Сіонычѣ лично.

Богданъ Сіонычъ былъ сынъ армянскихъ, но бѣдныхъ родителей, слѣдовательно, происходилъ «изъ армяшекъ», какъ говорятъ у насъ въ народѣ. Дни своей сиротской, но безпечальной юности, Богданъ Сіонычъ проводилъ помощникомъ прикащика въ одномъ изъ «азіатскихъ магазиновъ» на Невскомъ проспектѣ. Мирно и однообразно протекали магазинные дни его, протекали въ отмѣриваніи тармаламы и тафты, въ развертываніи ковровъ персидскихъ и въ показѣ азіатскихъ оружій покупателямъ. Въ наружности Богдана Сіоныча очень ярко металась въ глаза его армянская порода: онъ въ полномъ смыслѣ могъ назваться красавцемъ восточныхъ человѣковъ, такъ что одинъ престарѣлый грекъ, который любилъ захаживать въ «азіатскій магазинъ», каждый разъ довольно по долгу останавливался передъ комерсантствующимъ Богданомъ Сіонычемъ и любовался на

его красоту, что выражалось прищуриваніемъ глазка и чмоканьемъ языкомъ. Богданъ Сіоничъ въ то время ходилъ еще въ національномъ «азіатскомъ костюмѣ», и на вопросъ, кто онъ таковъ и какой чинъ имѣетъ? всегда, съ выразительностію въ глазахъ, отвѣтствовалъ: «чинъ?-азіать!» — Изъ какихъ? продолжалъ допрашивавшій. — «Изъ восточныхъ чело-вѣковъ», пояснялъ Богданъ Сіоничъ, не любившій болѣе точно опредѣлять свою на-ціональность, ибо зналъ за русскими сла-бость называть всѣхъ достойныхъ предста-вителей ея «армяшками». Когда вопрошав-шій не зналъ профессіи Богдана Сіонича, то сей послѣдній всегда пояснялъ таковому во-просителю, что онъ «изъ конвойныхъ» и по-тому «ганжаламъ» носить. У всѣхъ почти подобныхъ субъектовъ есть маленькая сла-бость самозванства, на счетъ «конвойныхъ восточныхъ чело-вѣковъ».

И такъ, Богданъ Сіоничъ мирно прово-дилъ свои дни юности въ азіатскомъ магази-нѣ, какъ вдругъ судьба послала ему нѣкую

благодѣтельную фсею, въ образѣ нѣскольکو престарѣлой, но ежедневно реставрирующей-ся барыни.

Барыня сія, однажды, совершенно случайно, заѣхала въ азіатскій магазинъ, ради за-купокъ тафты на капотъ и тармаламы на одѣяло, которыя имѣлъ честь отмѣривать ей Богданъ Сіонычъ. Барыня пристально и дол-го смотрѣла на него любознательными взо-рами, не безъ нѣкоторой пріятности, и ког-да онъ отмѣрилъ и съ ловкостію завернулъ ей покупку, обратилась къ нему со слѣдую-щимъ предложеніемъ:

— Знаете что, мой милый, мнѣ теперь некогда: нужно еще кой-куда заѣхать... Такъ я вамъ заплачу теперь деньги за покупку, а вы мнѣ вечеромъ ее доставите.

— Съ больша́мъ удовольствіямъ! отвѣт-ствовалъ съ поклономъ Богданъ Сіонычъ.

— Приносите къ восьми часамъ; вотъ мой адресъ... Только, бога ради, не поручай-те кому нибудь другому, а непременно вы, вы сами приносите, слышите ли?—сами!

— Слушаюмъ, сударыня!

— То-то; пожалуйста же, *сами!* не забудьте!

И фея удалилась изъ азіатскаго магазина.

Въ восемь часовъ вечера очаровательный Богданъ Сіонычъ явился, по адресу, въ квартиру благодѣтельной фее.

Благодѣтельная фея приняла его интимнымъ образомъ, въ будуарѣ; она была такъ уставши, чтобъ выходить въ пріемную, да и притомъ, что за чины съ азіатскимъ прикащикомъ!

— Здравствуйте, мой милый!.. Присядьте! обратилась она къ вошедшему, не измѣняя на кушеткѣ своей позы—позы, по ея мнѣнію, очаровательной и соблазнительной—донельзя.

Милый поклонился и скромно присѣлъ на кончикъ стула.

— У васъ есть родители? начала фея, изслѣдуя и даже изучая Богдана Сіоныча любознательнымъ своимъ взглядомъ.

— Были. Папунькамъ и мамунькамъ, отвѣтствовалъ Богданъ Сіонычъ, съ непремѣннымъ

поклонсмъ при каждомъ отвѣтѣ на каждый вопросъ.

— Такъ вы это какъ же... у родственниковъ живете?

— По наймамъ...

— Сколько жалованья получаете?

— Пятнадцать цалковамъ рублямъ получамъ.

— Скажите!.. Неужели только пятнадцать? съ удивленіемъ и участіемъ проговорила фея.

— Только пятнадцать. Хазанъ говоритъ «много»...

— А вы желали бы получать больше?

— Жалалъ.

— Такъ и вамъ, мой милый, вотъ что скажу, начала фея не безъ нѣкотораго волненія. Мнѣ нуженъ секретарь... вотъ за покупками иногда... или съѣздить куда нибудь... вообще находиться при моей особѣ... Понимаете?

— Понимаю! поклонился Богданъ Сіонычъ.

— Ну, такъ вотъ что, мой милый... Вы, мой милый, такой умный и такой скромный

молодой человекъ... можно сказать, достойный молодой человекъ... Вы мнѣ нравитесь своими качествами... и поэтому я хочу предложить вамъ должность секретаря при моей особѣ.

Богданъ Сіонычъ нѣсколько смутился и не совсѣмъ хорошо понялъ ея слова,

— Это, падо быть, очень умная должность? нерѣшительно и робко замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. совсѣмъ легкая!.. поспѣшила успокоить его фėja. Я вамъ на первый разъ положу по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, отдѣльную и очень приличную квартиру въ этомъ же домѣ и обѣденный столъ при моей особѣ... Однимъ словомъ, и обѣденную порцію, и чай, и кофій и все, какъ слѣдъ, будете получать съ полнымъ удовольствіемъ.

У Богдана Сіоныча отъ одного уже предвкушенія этого полного удовольствія разгорѣлись его армянскіе глаза, что не скрылось отъ внимательно наблюдавшей его барыни, которая продолжала далѣе, въ слѣдующемъ завлекательномъ тонѣ:

— А если, мой милый, вы будете почти-
тельны и старательно исполнять свою обя-
занность, то я все больше и больше, по мѣ-
рѣ старанія вашего, буду награждать васъ...
И жалованья вамъ прибавлю, и лошадь для
разѣздовъ подарю... и венцицу золотую, ког-
да случится... Однимъ словомъ, будьте толь-
ко старательны и усердны; а я, съ своей
стороны, ужь не оставлю васъ безъ награж-
денія, мой милый!.. Я такая дама, что люб-
лю награждать усердіе и преданность.

Богданъ Сіонычъ, сидя на своемъ кончикѣ
стула, чуть не трепеталъ отъ радости, ду-
мая, не во снѣ ли все это ему грезится, и
не понимая, за что вдругъ къ нему такое
нежданное счастье привалило!.. Онъ только
осклаблялъ отъ невольной восторженной улыб-
ки свои сверкающіе бѣлые зубы и учащенно
кланялся корпусомъ почти на каждую фразу
престарѣлой, но благодѣтельной феи, кото-
рая продолжала все далѣе и далѣе такъ:

— Вы, мой милый, нынѣшній вечеръ ос-
таньтесь у меня. Я васъ познакомлю съ ва-

шей новой должностью и вообще постараюсь внушить поближе, въ чемъ именно будетъ заключаться ваша обязанность... даже маленькій опытъ можно сдѣлать... А завтра, чтобы не терять много лишняго времени, вы можете расчесться со своимъ хозяиномъ и совсѣмъ уже переѣзжать ко мнѣ: квартира для васъ будетъ готова.

Къ концу вечера благодѣтельная фея познакомила своего новаго секретаря съ родомъ подлежащихъ ему занятій — и Богданъ Сіонычъ, какъ нельзя лучше, понялъ свою обязанность.

Уѣзжая отъ благодѣтельной феи, онъ громко разсуждалъ самъ съ собою, витая въ неописанномъ восторгѣ: «О! восточна чаловэка — гароша чаловэка! умна чаловэка!.. Восточна чаловэка никогда не пропадетъ!» и размышлялъ, какой костюмъ себѣ новый сдѣлать — нѣмецкій, или кавказскій? — и порѣшилъ, что надо сдѣлать получше и побогаче и то и другое.

И потекла, какъ по маслу, новая жизнь Богдана Сіоныча, среди секретарскихъ заня-

тій; онъ обрѣтался въ нѣгѣ, какъ жирный кусокъ баранины въ рисовомъ пловѣ—и дѣйствительно, не прошло года, какъ Богданъ Сіонычъ пополнилъ и умаслился: умаслилась его черная курчавая пакля на головѣ отъ дорогой, но душной помады, умаслились его армянскіе глазки, умаслилась привѣтливая улыбка, принявшая впрочемъ въ отношеніи его старыхъ товарищей и знакомыхъ нѣсколько нахальный характеръ.

Такимъ образомъ, на двадцать четвертомъ году отъ рожденія, Богданъ Сіонычъ составилъ свою блистательную карьеру. Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго двадцать лѣтъ—следовательно, Богдану Сіонычу въ настоящую минуту сорокъ четыре.

И вотъ каковымъ знаютъ его наши современники, а въ томъ числѣ и бытописатель петербургскихъ типовъ.

Богданъ Сіонычъ—мужчина высокаго и виднаго роста, жеребьячьяго вида и, что называется—«отвратительный красавецъ». Типъ «отвратительной красоты»—довольно извѣст-

ный типъ, и лучшимъ его представителемъ, безспорно, является Богданъ Сіоничъ. Богданъ Сіоничъ отъ времени и нѣжной жизни умѣренно отучнѣлъ и неумѣренно обрюзгъ; его мясá довольно пріятными складками расположились вокругъ его щекъ и подбородка; толстыя, мясистыя и красныя губы нѣсколько отвисли, но эту отвислость неженѣе пріятно маскируютъ великолѣпные черные усы; черные волосы, хотя и отъ природы курчавые, постоянно и тщательно сохраняются завитыми, при помощи куаферскихъ щипцовъ, и въ видѣ англійской прически стуживаются и прикрываютъ и безъ того уже маленькій и узенькій лобъ Богдана Сіонича. Руки его бѣлы, какъ у женщины, и всегда отличаются мягкой пухлостью. Вообще мясá у него чрезвычайно привлекательны и обѣщаютъ много пріятностей; голосъ — баритоннаго свойства съ пріятной хрипlostью; масляные глаза отъ времени слѣлались жирными глазами и постоянно подернуты пріятною влагой и красноватыми жилками; одинъ изъ нихъ онъ

уснащаетъ стеклышкомъ, ради изящества и привлекательности. Костюмы Богданъ Сіоничъ нынче носить въ публикѣ исключительно «нѣмецкіе», великолѣпнаго англійскаго покроя; толстая массивная цѣпочка съ брилліантами и разными дорогими камушками постоянно украшаетъ его пестрые и мохнатые жилеты, за которые онъ платитъ очень дорого; изящная тросточка съ золотымъ тяжелымъ набалдашникомъ всегда красуется въ его рукахъ, усѣянныхъ разнообразными перстнями и кольцами, производящими игру и пріятное сверканіе; брилліантовые запонки не сходятъ съ груди и рукавовъ его тончайшей батистовой рубашки; брилліантовые и иные булавки всегда затыкаютъ его легкіе и яркихъ цвѣтовъ галстуки, изъ коихъ онъ предпочтительно отдаетъ преимущество розовому. Перчатки Богдана Сіонича также выбираются изъ этихъ нѣжныхъ, весеннихъ цвѣтовъ. Вообще, Богданъ Сіоничъ мужчина чрезвычайно привлекательный и съ большими пріятностями.

Живетъ онъ все въ томъ же домѣ своей
благодѣтельной феи, въ особой и съ яркимъ
великолѣпнѣмъ отдѣланной квартирѣ. Отдѣ-
лывалъ ее самъ Богданъ Сіонычъ на свой
собственный вкусъ. Къ его услугамъ всегда
готовъ великолѣпный рысакъ изъ конюшни
феи, запряженный въ неменѣе великолѣпную
и очень узенькую эгоистку. Обѣденная пор-
ція съ шампанскимъ (Богданъ Сіонычъ ни-
чего не пьетъ, кромѣ шампанскаго) всегда
точно также является къ услугамъ его же-
лудка, въ апартаментахъ благодѣтельной феи,
которая требуетъ, чтобы онъ обѣдалъ по-
стоянно съ нею, въ силу своихъ секретар-
скихъ обязанностей. Когда же фея чувствуетъ
себя больною и не встаетъ съ постели, то
она разрѣшаетъ ему обѣдать и внѣ дома, и
тогда Богданъ Сіонычъ отправляется ухиты-
вать себя либо къ Дюссо, либо къ Борелю.
Въ національныхъ азіатскихъ костюмахъ его
почти никогда не видно; развѣ по утрамъ,
въ своемъ кабинетѣ, облачается онъ въ ве-
ликолѣпный, шитый шелками и золотомъ,

бархатный халатъ и таковую же феску, да иногда, по востребованію феск, является въ черкеской или персидской формѣ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, между прочимъ, Богданъ Сіонычъ сдѣлалъ прогрессъ: онъ научился правильно говорить по-русски—съ нѣкоторымъ только восточнымъ акцентомъ, и даже иногда дерзаетъ французскія фразы вставлять въ разговоръ свой.

Вотъ какимъ образомъ проводитъ онъ день свой, и, вѣрьте мнѣ, — достаточно описать теченіе одного только дня его, чтобъ описать уже цѣлую жизнь, въ коей одинъ день отъ другаго почти ничѣмъ для него не отличается.

Просыпается Богданъ Сіонычъ на своемъ мягкомъ ложѣ, украшенномъ великолѣпнымъ балдахномъ, не раньше двѣнадцати часовъ дня, и въ постели принимается пить шоколадъ. Онъ по утрамъ всегда пьетъ этотъ пріятный напитокъ. Затѣмъ, облекшись въ упомянутые халатъ и феску, Богданъ Сіонычъ принимается за свой туалетъ, на который упо-

требляеть ровно два часа времени: вспрыскиваетъ и умащаетъ мясѧ тѣла своего различными :роматическими водами и винеграми, моетъ лицо и руки весьма тонкими и душистыми мылами, обтачиваетъ въ видѣ миндалинъ свои розовыя ногти, на что употребляется имъ до дюжины разныхъ пилокъ, щеточекъ, ножницъ, щипчиковъ и т. д. Богданъ Сіонычъ вообще спеціалистъ по части туалета. За отдѣлкой рукъ слѣдуетъ отдѣлка фізіономіи и прически. Прежде всего въ этомъ случаѣ Богданъ Сіонычъ садится къ зеркалу и самоуслаждается своею фізіономіею, любуясь на Богомъ данную ему красоту и за тѣмъ уже приступаетъ къ уснащенію ея гольдкремомъ и различными косметиками, бѣлилами, румянами и т. д. Это—часть кожи; за нею слѣдуетъ часть волосъ, т. е. голова, усы и брови. Тщательно осматрѣвъ, нѣтъ ли гдѣ сѣдаго волоса и, буде таковой отыщется, еще тщательнѣе выдернувъ его, Богданъ Сіонычъ чешетъ и гладитъ крошечною гребеночкой усы и брови, которыя фабритъ и сурмитъ

волосокъ къ волоску какими-то очень цѣнными мазями. Этимъ актомъ заканчивается первая часть туалета—иллюстрированіе, и начинается вторая—одѣваніе. Здѣсь, какъ сказано уже, господствуютъ тончайшій батистъ, легкіе, яркіе галстухи, пестрые мохнатые жилеты, полосатыя свѣтлыхъ цвѣтовъ брюки и пиджакъ. Богданъ Сіонычъ очень любитъ пиджаки. Вообще, не взирая на свои сорокъ четыре года, Богданъ Сіонычъ постоянно и неизмѣнно сохраняетъ пристрастіе къ одѣванію себя à l'enfant. По окончаніи второй части, онъ садится завтракать, при чемъ кушаетъ кровавый бифтексъ, съ кухни благодѣтельной феи, или страсбургскій пирогъ съ трюфелями, или устриць къ гомарамъ—вообще блюда, имѣющія свойства возбудительныя и укрѣпительныя. Запиваетъ все это Богданъ Сіонычъ, ужъ разумѣется, шампанскимъ и затѣмъ отправляется къ своей благодѣтельной феѣ, для отправленія секретарской обязанности. Фея отъ старости одряхлѣла совсѣмъ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что подобныя феи

не въ диковинку въ нашемъ обществѣ! Онѣ были, есть и будутъ, и на ихъ пай неизмѣнно будутъ находиться Богданы Сіонычи — такова уже сила иной извращенной человѣческой природы! Это, между прочимъ, доказывается и тѣмъ, что нашъ Богданъ Сіонычъ, подъ сурдинку, и въ тайнѣ отъ своей главной покровительницы, находится въ обожаніи за свои пріятныя качества, еще и у двухъ престарѣлыхъ, но добродѣтельныхъ фей, при помощи которыхъ составилъ себѣ даже нѣкоторый капиталецъ и пускаетъ его въ оборотъ подъ вѣрные залоги, на проценты, въ ожиданіи будущихъ великихъ и богатыхъ благъ и милостей, ибо главная его фея, по духовному завѣщанію, отказала ему все свое состояніе. И такъ, въ будущемъ Богдана Сіоныча ждетъ еще весьма значительное богатство. — Вотъ что значитъ карьера чрезъ собственныя пріятныя качества!

Спустя часа два послѣ обѣда, вмѣстѣ съ феей, Богданъ Сіонычъ почтительно лобызаетъ ея ручку и удаляется. Фея при этомъ

почти всегда вручаетъ ему на карманныя издержки нѣкоторую сумму, за усердіе и преданность — и Богданъ Сіоничъ, вполне счастливый и довольный своимъ днемъ и собою, катитъ на рысакѣ либо въ балетъ (другихъ театровъ онъ не посѣщалъ и не посѣщаетъ), либо къ которой нибудь изъ своихъ второстепенныхъ благодѣтельницахъ. И такъ проводитъ онъ время зимою часовъ до одиннадцати. Въ одиннадцать же надо ѣхать въ танцклассъ къ Ефремову; а лѣтомъ, съ десяти часовъ его всегда можно встрѣтить у Излера, или на балахъ въ Хуторкѣ, гдѣ онъ дружески знакомъ со всѣми доморощенными нашими ригольбошами и, ужь конечно, съ героемъ санкт-петербургскаго канкана — какимъ нибудь Тюленевымъ, котораго всегда поитъ коньякомъ и шампанскимъ. Здѣсь ужь Богданъ Сіоничъ лицо покровительствующее, а не покровительствуемое. Здѣсь ужь онъ старается всѣмъ показать, что не его содержатъ, а онъ содержитъ, — здѣсь онъ самъ себѣ баринъ и никого знать не хочетъ, а только относится

въ нѣсколько поощрительномъ и покровительственномъ тонѣ къ ригольбошамъ. Было время, когда Богданъ Сіонычъ заискивалъ въ разныхъ кутящихъ титулованныхъ именахъ и набивался на знакомство съ шимп, но титулованныя имена его отвергли, и онъ — нечего дѣлать! — принужденъ былъ успокоиться на герояхъ банкана и т. п. личностяхъ, среди которыхъ покровительственно первенствуетъ.

Однажды нѣкто отнесся къ Богдану Сіонычу съ такого рода словами:

— А знаете ли, Богданъ Сіонычъ, говорятъ, что вы геліотропъ во фракѣ.

— Что-жъ, отвѣчаетъ невозмутимый красавецъ, геліотропъ хорошій цвѣтокъ; въ немъ ничего дурнаго нѣту.

— Ничего, хорошій, только запахъ ужъ очень силенъ....

— А вотъ мой запахъ! возразилъ Богданъ Сіонычъ, хлопнувъ себя по боговому карману, гдѣ лежалъ его полный бумажникъ. Тамъ пускай себѣ говоритъ кто-что хочетъ, а вотъ

я хоть геліотропъ во фр кѣ, по ихнему, а могу сейчасъ ужинъ хоть на пятьдесятъ персонъ потребовать, да пять дюжинъ шампанскаго поставить, а кто говоритъ-то, тотъ ни ди и одной бутылки не въ состояніи заказать. Вотъ-те я и геліотропъ! Эй, вы, барышни, кавалеры! пойдете-ка ужинать! съ гордостью заключилъ Богданъ Сіонычъ, обращаясь къ нѣсколькимъ знакомымъ ему личностямъ, необыкновенно довольный собою и своимъ отвѣтомъ.

Какъ видите, Богданъ Сіонычъ философъ, и, съ своей точки зрѣнія, пожалуй что выходитъ и правъ.

Къ Богдану Сіонычу всегда присоединяется нѣсколько лизоблюдовъ, которые рады поѣсть и попить на его счетъ, и за это превозносятъ его умъ, красоту, таланты и даже гордятся его дружбою. Значить, и Богданъ Сіонычъ имѣетъ своихъ поклонниковъ и паразитовъ.

III.

ГНИЛУШНИЦА СЪ ЧЕРНЫШЕВА МОСТА.

Еще не такъ давно было время, когда Фонтанка украшалась старыми екатерининскими мостами, въ томъ самомъ родѣ, образцомъ котораго остаются нынѣшнія мосты: Чернышевъ, Обуховъ и Калининскій. Мнѣ, и самъ не знаю почему, съ дѣтства еще нравились эти, мрачной, тяжелой формы, гранитныя башенки, съ тяжелыми цѣпами — въ нихъ есть что то своеобразное, характерное, что то — стариною вѣющее. Я весьма былъ недоволенъ, когда передѣлывали мосты: Симіоновскій, Семеновскій и Измайловскій.

Правда, они теперь очень легки, широки и даже по своему изящны, но, увы! это какое то казенное изящество, гладенькое, безличное, безхарактерное, которое невольно претитъ каждому человѣку, чувствуящему хотя какое нибудь влеченіе къ характернымъ свойствамъ и формамъ. И часто случается, когда я прохожу по Чернышеву или Обухову мосту, мнѣ приходитъ на умъ: вотъ и за тебя, старикъ, скоро примутся, и тебя похерятъ, а съ тобой и еще одинъ памятникъ петербургской старины уничтожатъ. Конечно, хотя еще у Петербурга и не богъ-вѣсть какая старина, да все-таки пусть ужъ лучше будетъ эта, чѣмъ вовсе никакой.

Чернышевъ мостъ наиболѣе прочныхъ успѣлъ сохранить до нашихъ дней свою старую самобытность и характеръ. По Чернышеву съ ранняго утра и до поздняго вечера не перестаетъ сновать и перетасовываться проходившій людъ — потому мѣсто-то очень ужъ бойкое; только забери немного наперекоски черезъ площадь — тутъ тебѣ и будетъ толкучка, ко-

торая кишмя-закишитъ передъ тобою, едва лишь успѣешь окунуться въ нее. Чернышевъ мость представляется своего рода торговымъ пунктомъ. Особенно по утрамъ проявляется въ немъ эта промышленно-торговая сторона. Тутъ барышники-перекупщики или «мѣшки», какъ называютъ ихъ мазурики, у темнаго люда «вольный товаръ» съ рукъ на руки перекупаютъ, тутъ появляется лотокъ, — покрытый тряпичею, изъ подъ которой пробивается паръ съ запахомъ съѣстнаго, а надъ лоткомъ, промышленно-лукавая рожа на распѣвъ выкрикаетъ фальцетомъ: «пирогы-горячи! съ лучкомъ, съ квасомъ, съ рыбицей-капустой, съ честною говядиной, съ тугою начинкой. Пожалуйста-съ, съ почину!» Рядомъ съ пирогами другой лотокъ и другая промышленно-лукавая рожа и другое опять выкрикиванье: «калачи горячи, что ни есть изъ печи, сайки московски. Пожалуйста-съ!» А на другой сторонѣ, у гранитныхъ перилъ, старикашка торговецъ располагаетъ свою выставку съ яблоками, орѣхами и всякимъ пряникомъ. Рядомъ съ этимъ

десертомъ помѣщается другая выставка, содержаніе которой не трудно за нѣскольکو шаговъ угадать по одному только запаху— это издѣлія метръ-д'отелей изъ гусачныхъ заведеній Вяземскаго дома; издѣлія сіи суть бычьи внутренности: печенка и рубцы, которыми можно полакомиться не только что за копѣйку серебромъ, но и за грошъ; даже огрѣжутъ вамъ ихъ, коли угодно, и на мѣдную денежку. Немножко подалѣе отъ рубцовъ и печенокъ, у спуска набережной, останавливаются ручныя телѣжки и на каждой изъ этакихъ телѣжекъ толстая баба въ платкѣ и шугаѣ; бабы эти необыкновенно бойки и задирчиво тараторливы—онѣ, то и дѣло, брехаютъ да переругиваются между собою и каждая старается перекричать другъ дружку.

— «Кавалеръ» или «мужичокъ поштенный!» кричитъ обыкновенно такая баба прохожей сермигѣ или солдатскому «пальту». — Слышь ты, кавалеръ! картофельцы не хошь ли вареной? только что наварила. Сама варила; вотъ сейчасъ вывезла!

Пальто или сермяга подходит и останавливается передъ бабой.

— Картошка, что ль? вопрошаетъ онъ, хотя самъ вполнѣ убѣжденъ, что это именно ни что иное, какъ только картошка.

— Картошка, родимый, картошка, привѣтливо отвѣтствуетъ баба.

— Вареная, что ль?

— Вареная, родимый, вареная.

— Да можетъ не dospѣла?

— Ну, вотъ-те и на! песь экой, право песь! чего лаешься-ту? ты напрежь купи да отвѣдай, а потомъ давай хаять да лаяться. Видно, въ карманахъ-то звякало не ночевало? свищеть?

— А ты молчи! потому—какъ ты баба—одно слово торговка, такъ ты и молчи. Покупатель въ не забирай!

— А самъ чего лаешься? чтожъ, за эфто вашего брата хвалить, что ли?

— Не хвалить, а сказано: я покупатель, потому, значить, я и могу.

— Покупатель!.. чего кочевряжешься то?..

покупатель!.. хорошъ покупатель, а самъ еще и денегъ на ладоху не выложилъ.

— Ну, не сумлевайся! вотъ те и деньги! небось: про весь твой товаръ пожалуй станетъ, да еще и тебя въ придачу прихватимъ.

— Ну-да, какъ же, прихватите! чего голчить-то? ты деньги выкладывай! на сколько те картошки то?

— Валл на копѣйку!

— Ишь чертъ! купилъ на копѣйку, а на пятакъ наругался! ну ужъ народецъ, право! таторитъ торговка, подымаясь съ телѣжки и изъ подъ сѣдалища своего, кономъ служить чугунокъ, наполненный ся товаромъ и покрытый тряпцею, вынимаетъ она въ горсти нять картофелннъ, коп тутъ же съ рукъ на р. би передаетъ своему покупателю.

— Ты чтожь это, тетка, сама такъ на товарѣ то и сидишь? вопрошаетъ онъ балагурочнымъ тономъ, облуцивая кожицу.

— Ну, такъ чтожь? Самъ видишь, сижу! возражаетъ баба, которая никогда не прочь поболтать или поругаться.

— Грѣешь его, чтоль?

— Конечно грѣю! По крайности упрѣтся лучше, да и паръ то мѣнѣ выходить будетъ, больше духу держаться станетъ! объясняетъ торговка, упрятывая въ карманъ вновь прибрѣтенный капиталъ за продажу пяти картофелнѣ.

— Стало быть этакъ то вкуснѣе выходить? порѣшаетъ покупатель, отходя отъ бабы, весьма довольный и картофелемъ и своимъ балагурливымъ краснобайствомъ.

По утрамъ, около всѣхъ этихъ снабдителей нищею гладнаго человѣчества, постоянно пребываетъ сѣрая толпа рабочаго люда, алчущаго пироговъ, печенки или картофелю. Къ десяти часамъ утра, толпы этой уже нѣтъ, она мало по малу разсѣвается, опустошивъ прожные лотки и телѣжки съ картофелемъ, послѣ чего коммерсанты сіи удаляются во свояси, либо почти отъ торговыхъ дѣлъ своихъ, либо заpastись новымъ товаромъ. Остаются на весь день при своихъ выставкахъ— только старикашка съ десертомъ, печенки съ рубцами, да саечникъ.

Но около этого времени, на срединѣ моста, подъ сквозными его башенками, появляется новая отрасль коммерціи, пребывающая тутъ въ неизмѣнномъ положеніи до заката солнечнаго.

Всѣ вышеописанные коммерсанты и коммерсантки суть люди болѣе или менѣе состоятельные, чувствующіе необходимость въ потребности своего товара и потому они всегда бойки и довольны собою. Это, такъ сказать, аристократы, негоціанты и капиталисты Чернышева моста. Но кромѣ ихъ есть еще своего рода мизерабели, паріи чернышевской торговли; эти то паріи и появляются на мосту, подъ башенками, въ одиннадцатомъ часу утра, для производства своихъ оборотовъ. Паріи принадлежатъ исключительно къ прекрасному полу. Это тощія, хилыя, согбенныя старухи, въ какихъ-то лохмотьяхъ вмѣсто одежды, съ драночной корзинкой въ полтаршина, и ужь много, коли въ аршинъ длины,—вмѣстилищемъ ея скуднаго товара. Около девяти часовъ утра, эти жалкаго вида су-

щества плетутся нога за ногу своею трясущейся, старчески-немошною походкой въ направлении къ толкучешному переулку. Онѣ пробраются подъ Щукинъ, въ ягодный рядъ, за пріобрѣтеніемъ необходимаго имъ товара.

Придетъ, напримѣръ, этакая старушонка къ какойнибудь ягодной лавкѣ, станетъ смиренно у входа, перекрестится на икону — и затѣмъ поясной поклонъ господамъ торговцамъ.

— Чего тебѣ, корга? Зачѣмъ пришла? спрашиваетъ разбитной прикащикъ въ чуйкѣ и бѣломъ фартукѣ.

— За товарцемъ, батюшка, за товарцемъ, родненькій! Не откажи! кланяется ему старуха.

— Зачѣмъ отказывать? Товаръ продажу любить. Какого же тебѣ товарцу требуется?

— Вѣстимо, родименькій, нашего, фрухтоваго.

— Какого же? заплатаннаго, дыряваго, чтоли? Ступай въ лоскутный, тамъ те отмѣрятъ, и отрѣжутъ, и выдадутъ сполна, шутить прикащикъ.

— Зачѣмъ въ лоскутный! Мы по малости, на счетъ фрухты разной.

— Поиматцы! Стало быть, тебѣ на счетъ фруктовыхъ удовольствій?

— Оно самое и есть, батюшко, оно самое!

— Ты такъ и говори! Что жъ тебѣ, свѣжаго, али тухленькаго, прокислаго?

— Ты мнѣ, батюшко, тронутаго положи, порчи этой самой по малости...

— Стало быть, гнилья? Ладно! Чего да чего тебѣ?

— Ну, вотъ, хоша бы ппльцынчпковъ.

— Можно! Такпхъ отпущу, что за корольковъ сойдутъ! Еще чего?

— Ну, вишенья, примѣрно...

— И этого добра можно! Давай три копѣйки да подставляй корзинку, все за разъ вытрушу!

И торговецъ, за какія нпбудь двѣ-три копѣйки, наложить разнаго браковапнаго гнилья, которое слѣдовало бы выбросить: апельсиновъ прогорклыхъ и до зеленого моху заплесневѣлыхъ, вишень душеныхъ или, смотря по

временн года, грушъ, сливъ, яблоковъ (зимою обыкновенно мерзлыхъ), и вотъ съ этимъ дешевымъ товаромъ торговка отправляется себѣ по маленьку тою же самой прииженно-немощной походкой къ Чернышеву мосту. Тутъ уже у нея испоконъ вѣку есть одно насиженное мѣстечко подъ которой нибудь изъ четырехъ башенокъ, мѣстечко, занимаемое ею постоянно, изо дня въ день, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что кажется будто ни это мѣсто безъ нея, ни она безъ этого мѣста даже и немыслимы, невообразимы. Вотъ, прибредетъ себѣ эта старушенція подъ башенку, перекрестится па всѣ четыре стороны — чтобы торговля спорѣе шла, и садится у своей корзинки, обчищать плесень, пересчитывать наличное число фруктъ и раскладывать товаръ, для привлеченія покупателей ея, показной, т. е. менѣе тухлой и гнилой стороною. Съ вишнями и красной смородиной поступается обыкновенно такимъ образомъ: вынимаетъ старуха предварительно изъ кармана или изъ за пазухи опорокъ стараго

нитянаго чулка, за тѣмъ обтираетъ смородину по пяти вѣточекъ, а вишни по пяти ягодъ, дѣлаетъ изъ нихъ пучечки, которые обматываетъ чулочною ниткой и раскладываетъ по порядку на днѣ своей убогой корзинки, затѣмъ чтобы по денежкѣ, и много уже если по грошу, продать каждый такой пучечекъ охочему покупателю

Какъ скоро товаръ обчищенъ, пересчитанъ и разложенъ, торговка прислоняется спиною къ гранитной стѣнкѣ чернышевской башенки и въ этомъ спокойномъ положеніи, кажись ни разу не измѣнивъ своей позы, сидитъ себѣ цѣлый день до заката солнечнаго, и развѣ только наклонится немного впередъ, чтобы подать покупателю гнилой апельсинъ или пучечекъ своихъ вишенъ. Зимой, морозъ и стужа донимаютъ ея зябкое тѣло, а она знай себѣ сидитъ, посинѣлая отъ холоду, да въ лохмотья закутаться старается. Осенью дождливой, еще хуже чѣмъ зимой иной разъ приходится, потому—дождикъ, какъ зарядить на цѣлыя сутки не переставая, такъ всю

одежину промочить на ней, словно бы она полдня въ ушатѣ мокла — а старуха все сидитъ передъ своимъ товаромъ, потому ей дѣлать больше нечего, какъ только сидѣть, ибо хозяйка, у которой она привита за полтину въ мѣсяцъ, даетъ ей мѣсто на полу у печки, гдѣ старуха можетъ себѣ лечь да выспаться ночью, а днемъ для нея угла не полагается, такъ какъ она человѣкъ торговый и день при своей коммерціи проводитъ. Вотъ ужъ лѣтомъ, такъ совсѣмъ лафа для нея, потому солнышко съ утра до вечера припекаетъ и распариваетъ ея древнія кости. Чѣмъ жарче, тѣмъ для нея лучше. Сидитъ себѣ старуха, повернетъ свою спину подъ солнце, и какъ только проберутъ ее горячіе лучи, такъ и покажется у нея на старческомъ безжизненномъ лицѣ тихо самодовольная улыбка несмысленнаго младенца. Эти старухи торговли всегда почти круглыя сироты; нѣтъ у нихъ ни близкихъ, ни родныхъ, ни знакомыхъ, сами онѣ себѣ и призоръ, и забота некому о нихъ подумать, некому пріютить;

живетъ она собѣ—и никому до нея нѣтъ дѣла, а умереть — полиція похоронетъ. Поэтому ей, въ ея одинокой, холодной и безпривѣтной старости, некого любить, не къ кому привязаться—ну, вотъ она и любитъ Чернышевъ мостъ, который пріютилъ ее, да солнце, которое порою пригрѣваетъ ее.

Такъ какъ она принадлежитъ къ чернышевскимъ паріямъ, то поэтому ни съ кѣмъ не тараторить, не голчить, а пребываетъ въ ненарушимомъ уничиженно-смирennemъ молчаніи. Она не кричитъ о своемъ товарѣ и не зазываетъ покупателей подобно толстой картофельницѣ — она молчалива и покорно ждетъ той минуты, когда покупатель самъ подойдетъ къ ней и спроситъ:

— Почему пальцыны?

— По грошу штука, батюшка, по грошику по мѣдному.

— Что такъ дорого?

— Въ такой ужъ цѣнѣ товаръ стоитъ, батюшка! Время ноня самъ знаешь какое!

— Да вишь ты, гнилой онъ у тебя совсѣмъ.

— Нѣтъ, батюшка, онъ не то, что гнилой, а такъ порча маленькая есть! Ужъ что есть, то есть! Про то и спорить не стану.

— Идетъ, что ли, за грошъ пару? А то и покупать не стану!

— Ну, ужъ что съ тобой, бери батюшка, бери пожалуй и парочку, товаръ хорошій, хвалить станешь. И старуха необыкновенно рада лишнему грошу, ибо грошъ—это чуть ли не высшая сумма, до которой простирается поштучная цѣна ея товару. Торговый оборотъ такой старухи простирается въ день отъ шести до десяти и много-много, если до нятнадцати копѣекъ, изъ которыхъ она должна еще копѣйки двѣ три удѣлять иногда градскому стражу, чтобы тотъ пребывалъ къ ней благомысленно и не сгонялъ бы ее съ моста. Поэтому не удивительно, что картофельница смотритъ съ презрѣніемъ на гнилушницу (о сасчникахъ съ пирожниками я ужъ и не говорю!). Оборотъ картофельницы простирается въ утро отъ тридцати до пятидесяти копѣекъ, следовательно она богачиха и имѣетъ полное

право тараторить и сцѣпляться зубъ-за зубъ со своими товарками и своими покупателями.

Покупатели гнилушницы суть въ то же время и враги ея, это почти исключительно тѣ оборвыши мальчишки и дѣвчонки, которые неотвязно пристають къ каждому прохожему и, подпрыгивая у него съ боку, ноютъ самымъ надоѣдливымъ образомъ: «баринъ миленькій, голубчикъ, сиротѣ копѣечку Христа ради!...» Такой оборвышъ, пользуясь своей неотвязностью, бѣжитъ за вами до тѣхъ поръ, пока вы, ради того только, чтобъ онъ отсталъ, дадите ему какуюнибудь мелочь. Какъ только почувствуетъ онъ въ рукѣ своей монету, такъ тотчасъ же и бѣжитъ—либо въ лавочку мелочную за леденцомъ, либо къ гнилушницѣ за апельсиномъ. Чуть взремнетъ себѣ самую малость эта гнилушница, какъ къ ней подкрадывается ея обычный покупатель и цапаетъ изъ корзинки первый попавшійся фруктъ, что обыкновенно вызываетъ одобрителный хохотъ негоціантовъ-аристократовъ; они очень любятъ, когда нищіе ребяташки подшучиваютъ

надъ гнилушницами. И гнилушница никогда не побѣжитъ въ погоню за похитителемъ, во первыхъ не догнать, а во вторыхъ—тронься она только отъ корзины, остальные ребятнишки тотчасъ же весь ея товаръ расхватываютъ; поэтому она огранчивается только шамканьемъ какой то, должно быть очень сердитой, брани, да угрозою своимъ трясущимся старческимъ кулакомъ, что обыкновенно очень утѣшаетъ вышесказанныхъ аристократовъ.

Судьба гнилушницы—очень грустная судьба. Впереди для нея болѣзнь и похороны въ общей ямѣ отъ полиціи, въ настоящемъ—еле хватается на хлѣбъ насущный, а въ прошедшемъ... Въ прошедшемъ гнилушница обыкновенно была однимъ изъ двухъ: либо она обрѣталась въ званіи солдатки, жила съ мужемъ въ казармахъ за отдѣльными ширмами, имѣла когда-то ченецъ съ розовыми лентами и пила кофій, а сосѣдки съ почтеніемъ именовали ее Ниловной или Прокофьевной. Но умеръ мужъ, ресурсовъ никакихъ не осталось, подошла старость, немочь, болѣзнь, въ бога-

дѣльную понасть не всегда удается, и вотъ, чтобы не ходить съ сумою по міру, Ниловна избрала себѣ Чернышевъ мостъ, завела на немъ коммерцію и стала гнилушницей. Это одно, чѣмъ могла она жить до настоящаго поприща. А быгаетъ и такъ, что лѣтъ тридцать сорокъ тому назадъ, эта самая торговка блистала красотой и нарядами, каталась въ экипажахъ, потомъ спускалась все ниже и ниже, съ Морской улицы переѣзжала къ мадамъ на Мѣщанскую, мѣняла очень много квартиръ и все нѣе да хуже, пока наконецъ, за наступившею старостью, держать нигдѣ не стали, а тутъ подступила болѣзнь, да больница, и за тѣмъ, мало по малу, дошла до Чернышева моста. Сидитъ себѣ тутъ такая гнилушница, понуря свою дряхлую, удрученную нуждой да безпомощностью голову, сидитъ и въ зной, и въ стужу, и на безжизненномъ лицѣ ея ничего не выражается, кромѣ животнаго, физическаго ощущенія холода или ощущенія солнечныхъ лучей; а можетъ быть только отъ старости это лицо закоруз-

ло и потеряло способность отражать нрав-
ственные впечатлѣнія думъ и воспоминаній,
тогда какъ и эти думы и эти воспоминанія
копошатся въ мозгу старухи; проходитъ пе-
редъ ней—то позоръ съ нищетой, то позоръ
съ блескомъ ея прежнихъ лѣтъ, и невольно
предстаетъ дѣйствительность настоящаго, и
какимъ бы хохотомъ отвѣтила она въ тѣ да-
лекія времена тому, кто бы рѣшился пред-
сказать ей ея же собственную старость на
Чернышевомъ мосту, съ гнилыми апельсинами?

IV.

КУХАРКА СЪ ГИЛЬДЕЙСКАГО ДВОРА.

Отправьтесь лѣтомъ въ шесть часовъ утра (а зимою въ началѣ осьмага) по набережной Фонтанки отъ Чернышева къ Семеновскому мосту, и у воротъ Мѣщанской гильдіи вы непременно увидите значительную толпу сѣраго народа, расположившагося кучками вдоль каменной ограды гильдейскаго дома. Загляните въ ворота — и тамъ, во дворѣ, вамъ представится другая, разнокалиберно-пестрая толпа женщинъ. Толпа сѣрая состоитъ изъ всевозможныхъ поденщиковъ: тутъ и пильщики съ землекопами, и плотники съ каменщиками, и носильщики и прочій работающе-коче-

вой людъ. Въ толпѣ разнокалиберно-пестрой и необыкновенно тараторливой—всякаго рода женская прислуга, низшаго, дешеваго разбора, стоящая тутъ въ чайнѣ «мѣстовъ». Есть и горничныя и няньки съ мамками, но большинство составляетъ классъ кухарокъ.

Петербургская кухарка—типъ совершенно особаго рода.

Весь средній, небогатый слой петербургскаго населенія, въ родѣ различныхъ нѣмцевъ, чиновниковъ, ремесленниковъ, магазинщиковъ, ограничивается по большей части одною прислугою. Прислуга эта—кухарка, справляющая дѣло и за горничную и за лакея. Поэтому кухарка—необходимое звѣно въ жизни этого средняго небогатаго слоя.

У Марьи Ивановны отошла ея Мавра. Марья Ивановна въ большой досадѣ, потому—этакое горе, надо идти и отыскивать новую кухарку, да не-вѣсть еще на какую-то набредеть, просто бѣда да и только.

И направляетъ Марья Ивановна стопы свои во дворъ Мѣщанской гильдіи. Марью Иванов-

ну тотчасъ же со всѣхъ сторонъ обступаетъ уже пзвѣстная читателю разнокалиберно-пестрая и тараторливая толпа.

— Вамъ, матушка сударыня, прислугу? кого наю-ть—куфарку, аль дѣвушку? аль можетъ нянюшку требуется?—Эй, Аленка! Авдотья! Филипповна! тетушка Дарья! подите сюда!—барыня куфарку, ищетъ! Извольте, сударыня, я куфарка для вашей милости!—Эхъ ты, ноздря! какая ты куфарка, тебѣ въ судомойки-то впору!—А ты нѣ-ко-ся, нешто куфарка?—Кто, я-то? пзвѣстно куфарка; я у нѣмцевъ жила!—У нѣмцевъ... эка невидаль—у нѣмцевъ! а я у енарала! Не вѣрьте имъ, сударыня, онѣ колотовки съ Таировскаго переулка, я семь лѣтъ на одномъ мѣстѣ выжпла у господъ и тестать при себѣ имѣю, меня возьмите!

Марья Ивановна совсѣмъ съ ногъ сбита отъ этого всесторонняго напора пестрой толпы и оглушающаго перезвона сотни крѣпкихъ, фальцетовыхъ горлышекъ. Наконецъ ей удастся намѣтить одну, которая показалась посуразитѣе

прочихъ и кое-какъ, съ помощью локтей и кулаковъ избраннаго субъекта, выбралась она изъ этой давки и толкотни, всторону, на просторное мѣстечко.

— Ишь ты, барыня! чиновница! мразь качаято; надо быть шушера, огрызокъ обглоданный, коли такую прислугу выбрала! ну, вѣстимо, по барынѣ и куфарка—на пятакъ говядины кошачьей покупать вмѣстѣ станутъ! со смѣхомъ раздаются во слѣдъ Маріи Ивановнѣ язвительныя замѣчанія толпы, словно бы этой толпѣ, всей разомъ, хотѣлось попасть въ кухарки къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Свиньи! отстрѣливается назадъ избранный субъектъ и очень услужливо обращается къ нанимательницѣ.

— Извольте рядиться, сударыня: вамъ куфарку стало быть требуется?

— Кухарку, моя милая.

— Значить, стряпать надобно? — это можно, сударыня, я на хорошихъ мѣстахъ жила и стряпать умѣю! а еще что потребуется? Половъ-то много ли у васъ?

— Три комнаты, моя милая.

— Такъ-съ; а стирки много ли?

— Нѣтъ, немного; такъ развѣ постирушка какая нибудь, маленькая. Ну, комнаты подмести, постель убрать, барину сапоги вычистить—вотъ только и всего, семейство у насъ маленькое, а жалованья—три рубля въ мѣсяцъ.

— Маловато, сударыня, нониче мѣста-то какія—сами изволите знать. Мнѣ вонъ къ купцамъ мѣсто выходило, пять рублей въ мѣсяцъ съ хозяйскимъ горячимъ, такъ собственно потому не пошла, что стряпни много: на цѣлую артель готовить.

— Ну, потомъ къ празднику и въ именины подарокъ—ситцу на платье, продолжаетъ Марья Ивановна, бзманивая своего субъекта.

— Такъ-то, такъ, сударыня, возражаетъ субъектъ, иначе же намъ никакъ невозможно, потому я вашей милости буду хорошая кукфарка, я въ чепцахъ могу ходить и къ кофіямъ привыкла—поэтому мнѣ нельзя, какъ вотъ тѣмъ свиньямъ, что стоятъ-то. А еже-

ли милость ваша будетъ положить четыре рубля, да полтину на горячее, такъ мы порядимся.

Да ты что, моя милая, готовить-то умѣешь?

— Ужъ не извольте беспокоиться, сударыня, все, что вашей милости завгодно будетъ, все умѣю. Супъ примѣромъ сказать, щи тамъ что ли какія, пирогиъ спечи, блишекъ зажарить—все это могу.

— И пирожное и слоеное тѣсто умѣешь?

— И пирожное могу—все могу, потому какъ я у пѣмцевъ жила и у полковника тоже жила, такъ всему этому я обучена значить.

Марья Ивановна, соблазненная пріятной перспективой пироговъ, блишекъ и даже пирожного со слоенымъ тѣстомъ, почти соглашается на условія избраннаго субъекта и даетъ ей три съ половиной жалованья и полтину на горячее. Субъектъ согласенъ и вслѣдъ за Марьей Ивановной отправляется на мѣсто новаго своего служенія.

Но первый дебютъ оказывается впол.

нѣ не удачнымъ: поданный супъ является какою-то прѣсно-помойною бурдою грязнаго цвѣта съ дымнымъ запахомъ; «биштекъ» съ успѣхомъ можетъ играть роль гарнизонной подошвы или топора жареннаго, а слоеное тѣсто сильно смахиваетъ на подсушенный и запсеченный комокъ клейстера. Марья Ивановна сначала въ недоумѣніи, потомъ въ досадѣ, при видѣ добра столь много перепорченнаго, и наконецъ всердцахъ, — ибо Марья Ивановна голодна и все ея семейство тоже голодно.

— Ужъ вы извините, сударыня, на первый-то разъ несовсѣмъ удалось, потому не оглядѣлась я еще, да и дѣло-то спѣшное, оправдывается кухарка.

— Да какъ же ты, моя милая, говорила, что все умѣешь?

— Ну чтожъ, оно и точно, что умѣю, а только не удалось. . Ктожъ его зналъ, что оно не удастся?

— Да ты умѣешь, напримѣръ, сдѣлать драчечное?

— А что это такое драченное?

— Какъ что? извѣстно что—кушанье такое! вѣдь ты кухарка, стало быть должна знать.

— Нѣтъ, матушка сударыня, такихъ кушаньевъ я и не слыхала; а вы извольте сказать, что оно такое, такъ я вамъ состряпаю въ лучшемъ видѣ, какъ быть слѣдуетъ.

— Ну, а шманкухенъ умѣешь?

— Какъ вы изволите сказать-то-съ?

— Шманкухенъ.

— Это что-же такое?.. Мнѣ и не выговорить-то.... Отродясь не слыхала.

— Да вѣдь ты же у нѣмцевъ жила, сама говоришь!

— Такъ чтожь, что у нѣмцевъ? Я точно у нѣмцевъ жила, только въ нянюшкахъ служила и у полковника тоже служила... А вы ужь, матушка, это не дѣло требуете. Я, какъ есть куфарка, такъ вы мнѣ закажите б. штекъ али супъ—я вамъ изготавлю.

— Ну вотъ ты дрянъ и изготавила!

— Это ужь, матушка, не отъ меня, а отъ

Бога, потому случай такой вышелъ, а вамъ и докладываю. А только вы не дѣло требуете и я не знаю, какъ вамъ угодить, потому какъ я всегда на хорошихъ мѣстахъ жила и всѣ были мною навсягды очень довольны.

— Ты сколько говядины сегодня купила?

— Сколько приказывали — пять фунтовъ, значить.

— Сколько же ты дала за нее?

— Шесть гривенъ, матушка. Все равно — что на супъ, то и на биштекъ брала.

— Да вѣдь ты это не филей зажарила.

— Какой это филей?.. Я просто, матушка, говядину зажарила.

— Чтожъ, ты, значить, грудинку или завитокъ взяла?

— Я, матушка, и не знаю, что это вы только спрашиваете? какой такой завитокъ? я просто говядины спросила пять фунтовъ, какъ приказывать изволили; мнѣ и отпустили пять.

— Да вѣдь это не первый сортъ!

— Доподлинно не знаю, матушка, можетъ и первый, спорить не хочу!

— Такъ какъ же ты по двѣнадцати-то копѣекъ заплатила, если не первый?

— Ужъ не взыщите, матушка, опростоволосилась! проштрафилась на первый разъ, простите!...

— Ты, какъ видно, и въ кухаркахъ-то никогда не жила, матушка! вотъ оно что! а нанимаешься!...

— Оно точно, что въ куфаркахъ не жила, а жила въ нянюшкахъ да въ судомойкахъ; иначе же и въ куфаркахъ могу жить, потому мудрости тутъ никакой большой нѣту и я все это могу. Вы только растолкуйте да покажите, а тамъ ужъ не ваша забота—останетесь довольны.

Марья Ивановна въ большомъ горѣ; однако нечего дѣлать, надо пока на время помириться и съ этою до пріисканія новой, болѣе подходящей. Подъ вечеръ, убравшись у себя на кухнѣ и перемывъ посуду, кухарка просится «со двора, на полчасика не болѣ, потому на фатеру надо за пожитками сбѣгать: сундукъ, молъ, тамъ оставленъ, а ужъ вы не

извольте безпокоиться, безпремѣнно приду впору, вотъ и пачпортъ свой вамъ оставляю.»

Покопошившись еще нѣсколько времени, пока господа соснуть лягли, кухарка наконецъ удаляется. Но проходить не полчася, а цѣлые полтора—а ее все нѣтъ какъ нѣтъ. Марья Ивановна въ тревогѣ и досадѣ: самоваръ некому поставить, сама должна уголья подкладывать, и въ булочную сбѣгать. Проходитъ ночь—кухарка все-таки не возвращается. Марья Ивановна ума никакъ не приложить, чтобы это значить могло. Случайно заглядываетъ она въ буфетъ—хватъ!—двухъ-трехъ серебряныхъ ложекъ не оказывается, нѣсколькихъ салфетокъ и скатерти не достаетъ, бурнусъ старый въ передней на вѣшалкѣ висѣлъ—и того тоже нѣтъ. Марья Ивановна взбѣшена, озадачена, потрясена и хочетъ достойнымъ образомъ наказать виновную: въ рукахъ у нея, слава Богу, кухаркинъ паспортъ остался. вмѣстѣ со своимъ благовѣрнымъ и съ этимъ паспортомъ бросается она въ полицію, начинается розыскъ—

и паспортъ оказывается фальшивымъ, въ родѣ тѣхъ, которые очень искусно фабрикуются въ различныхъ кабакахъ и въ трущобахъ Вяземскаго дома, по удешевленной цѣнѣ: рубль денегъ и полштофа крымской. А похитительницы и слѣдъ давнымъ давно простылъ.

Такіе казусы нерѣдко случаются съ прислугой, нанимаемой во дворѣ Мѣщанской гильдіи. Какая нибудь кухарка, которая повѣствуетъ, что жила на хорошихъ мѣстахъ и въ нянюшкахъ, и въ судомойкахъ, и въ чемъ угодно, не жила ровно нигдѣ, а привитаешь себѣ въ какомъ нибудь Полторацкомъ или Таировскомъ переулкѣ, бродить гдѣ день, гдѣ ночь, по кабакамъ, ночлежнымъ квартирамъ, и изъ найма въ прислугу сдѣлала для себя въ нѣкоторомъ родѣ профессію: воровать, что попадется на руку. Иногда такія кухарки остаются и дольше одного дня, затѣмъ, чтобы вызнать расположеніе комнатъ, обычаи хозяевъ; выглядѣть, гдѣ лежатъ вещи поцѣннѣе и потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, устроить «подводъ», т. е. въ отсутствіе всѣхъ ввести

въ квартиру мошенниковъ и обождать все до чиста. А бываетъ и такъ, что такая кухарка, скрывающаяся отъ преслѣдованія полиціи и участковыхъ надзирателей, (*) съ фальшивымъ видомъ, занимаетъ свою должность, зараженная весьма неудобными болѣзнями. Мы серьезно рекомендуемъ нашимъ читателямъ быть какъ можно осмотрительнѣе въ выборѣ прислуги изъ Мѣщанской гильдіи, а лучше и совсѣмъ бы не выбирать ее тамъ, ибо примѣры, подобные приведенному, встрѣчаются не рѣдко.

(*) Отъ врачебно-полицейскаго комитета.

У.

ИЗВОЩИКЪ ВАНЬКА.

Городскія окраины, въ родѣ Измайловскаго и Семеновскаго полковъ, Ямской, Выборгской и тому подобныхъ мѣстъ, гдѣ лѣплятся еще, цѣпляясь другъ за дружку, покосившіеся деревянные домишки, наружности весьма мизерной,—всѣ эти окраины заняты по преимуществу извозничьими постоями. Загляните въ калитку любого изъ этихъ домишекъ (ворота въ нихъ почти всегда на запорѣ) и взору вашему во внутренности двора представятся кучи навозу, грязь и лужи да ряды сгроможденныхъ дрожекъ и саней, съ оглоблями, подня-

тыми вверхъ, между которыми проглядываютъ двѣ-три апатическія морды понурыхъ клячъ. Хозяинъ такихъ постоевъ, по большей части самъ извозчикъ, который, силою какихъ нибудь особыхъ счастливыхъ обстоятельствъ, выбился изъ работниковъ «въ хозяева» и самъ теперь содержитъ своихъ собственныхъ работниковъ. Нанимаются къ нему обыкновенно его односельцы, или по знакомству переходятъ отъ другихъ хозяевъ; если же нѣтъ ни того, ни другаго, если хозяинъ челоѣкъ «вновѣ», къ дѣлу непривычный, какой нибудь отставной ундеръ или мѣщанинъ, то къ услугамъ его, для найма батраковъ, является тотчасъ же конный сводчикъ, маклакъ, коими преизобилуетъ зимняя Конная и почерпнуть коихъ весьма удобно можно въ любомъ окрестномъ «заведеніи» за парой чая и преимущественно на Невскомъ, близъ Знаменья, въ домѣ Лопатина, гдѣ есть харчевня, извѣстная въ барышничьемъ мірѣ подъ именемъ биржи, необходимый эпитетъ которой совершенно невозможно выразить въ печати. Такой-то вотъ

конный сводчикъ—обыкновенно и подбираетъ батраковъ для нуждающагося хозяина—«вно-вѣ». Обыкновенныя условія найма—пять руб-лей въ мѣсяцъ, хозяйскіе харчи и гривен-никъ въ день на пару чая изъ «выѣзднаго», т. е. изъ суммы, которую батракъ выѣздитъ въ теченіе дня; иногда изъ выѣзднаго же и харчи полагаются. Занимаются здѣсь легко-вымъ извозомъ по преимуществу крестьяне трехъ губерній: Петербургской, Новгородской и Псковской; около трети между ними чухонъ, главный притонъ которыхъ, по первоначаль-номъ прибытіи изъ деревни, составляетъ «чу-хонское подворье» близъ Невскаго монастыря, гдѣ обыкновенно они находятъ своихъ факто-ровъ и сводчиковъ. Изъ «чухонскаго подворья», или черезъ его сводчиковъ, можно добывать лучшихъ лошадей-шведокъ—это составляетъ почти главный промыселъ означеннаго по-дворья.

Вотъ по большей части начало извозничь-ей карьеры. Въ одно прекрасное утро къ «хо-зяину», какому нибудь начинающему лоснить

ся и жирѣть Ивану Савельичу, является въ Ямскую парнишка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, его односелецъ, и приносить съ собою грамотку отъ сродственниковъ, въ которой кумъ Степанъ да свать Василій съ теткой Маврой посылаютъ милостивому государю Ивану Савельичу свой нижающій съ любовью поклонъ и просятъ пристроить у себя на счетъ извозу ихняго парнишку Миколку и отечески битъ его, буде забалуется. Милостивый государь Иванъ Савельичъ принимаетъ къ себѣ парнишку Миколку и на первое время, для приглядки, заставляетъ его конюшни чистить да дрожки мыть. Когда Миколка немного пріобыкнетъ, онъ вручаетъ ему закладку, даетъ наставленіе, чтобъ длинные концы за пяталытый не рядился, да по мостамъ съ церквями—мѣста и улицы замѣчалъ, и за тѣмъ Миколка, благословясь, выѣзжаетъ съ девяти часовъ утра на промыселъ. Малый онъ еще несмышленный и потому городскія улицы для него хуже лѣсу потѣмнаго; по всему замѣтно, что новичокъ, нѣтъ у него ни закид-

ки, ни глазу, ни руки извошничьей, ни сѣсть, ни возжи взять, ни править не изловчился еще, однимъ словомъ не выработалъ себѣ этого форсу извошничьяго, въ нѣкоторомъ родѣ своеобразнаго дендизма, которымъ всегда отличаются ѣзжалые и бывалые. Встрѣчные товарищи зубоскалятъ надъ нимъ и обзываютъ «желтоглазымъ» — спеціально общеупотребительная брань между извошниками, обращенная по преимуществу на чухонъ, брань, которая употребляется ими только для своего же брата и никогда для человѣка другого промысла.

— Извошникъ! раздается вдругъ у него подъ ухомъ. На Васильевскій въ 15-ю линію — пяталтынный.

— Извольте садиться, съ готовностью откликается Миколка, при всеобщемъ смѣхѣ товарищей, которымъ въ самомъ дѣлѣ смѣшно, что мальчуга порядился въ чортовъ конецъ за такую плату; а Миколка знай себѣ погоняетъ, потому онъ сконфуженъ, потому что

ему хочется поскорѣй выбратъся изъ подъ
глазъ и насмѣшекъ товарищей.

— Далекò это, сударь? оборачивается онъ
къ сѣдоку.

— Нѣтъ, не такъ-то далеко, цѣдить сѣ-
докъ сквозь зубы.

— Вы ужъ покажите мнѣ дорогу-то, по-
тому я вновѣ, второй день какъ выѣхалъ—
концовъ-то еще не знаю! просить довѣрчивый
Миколка. И въ слѣдъ за тѣмъ, въ расчетъ на
недалнѣйшій путь, хочетъ сѣдоку угодить и пу-
скается во всю рысь свою несуразую лошаде-
нку. Но лошаденка уже давно уморилась и
даже взопрѣла, а конца пути нѣтъ какъ нѣтъ.
Миколка начинаетъ роптать; сѣдокъ упорно
и сурово молчитъ и только на поворотахъ
лаконически замѣчаетъ своему возницѣ: «на-
право! налѣво!» — и возница потрухиваетъ
мелкой, усталой рысцой. Наконецъ то раз-
дается давно желанное «стой!» Сѣдокъ молча
вручаетъ ему пятаалтынный.

— Что же, сударь, прибавить бы нужно!..
Экой конецъ-то вѣдь дали! жалобно умо-

ляетъ Миколка; но сѣдокъ, со спартански сосредоточеннымъ видомъ, въ глубокомъ молчаніи скрывается подъ воротами дома. А въ удѣлъ огорченному Миколкѣ остаются опять таки смѣшки товарищей, которымъ онъ рассказываетъ свое горе: «ничего, паря, хоша хозяинъ и накостиляетъ тебя по загривку, зато впередъ наука!» Хозяинъ, дѣйствительно, на первый разъ ограничивается длинною рацией да однимъ подзатыльникомъ, однако же Миколкѣ и горько, и обидно, и передъ другими-то стыдно простоволосымъ казаться.

На другой, — на третій день, часовъ около двѣнадцати дня, видитъ онъ, идетъ ему на встрѣчу, посвистывая подъ носъ, франтикъ какой-то съ хлыстикомъ; махнулъ Миколку рукой да и прыгъ, не торгуясь, въ дрожки.

— Куда прикажете?

— Пошелъ прямо! Да гляди у меня — пошибче. Ызды много будетъ — на чай полтину получишь. Ну! поворачивай! живо!

Довѣрчивый Миколка пріятно ослабляется отъ одного уже посула начайной полтины

и то и дѣло похлыстываетъ кнутикомъ свою лошаденку. Ёзды дѣйствительно много. Франтикъ задаетъ изрядные концы, заѣзжаетъ въ рестораны, останавливается по полчаса у разныхъ знакомыхъ своихъ; въ одномъ мѣстѣ, изъ большой Подъяческой, Миколка, по его приказанію, какую-то барыньку къ гостинному двору, туда и обратно, свозилъ; заѣзжалъ даже лошадь покормить, пока франтикъ находился у этой барыньки, и часовъ въ девять вечера свезъ его домой, къ одному огромному домищу на углу канала и Вознесенскаго проспекта. Франтикъ—скакъ съ дрожекъ и говоритъ: «сейчасъ вышлю... Подожди немного!»—Миколка ждетъ съ добрыхъ четверть часа—не высылаетъ. Прошло человекъ съ пять различныхъ нанимателей,—Миколка поневолѣ отказывается отъ ёзды, потому денегъ не получилъ еще.

— Да ты чего ждешь-то, слышь ты! окликнулъ его дворникъ.

— Да вотъ, денегъ баринъ не высылаетъ... Поискать бы его, что ли, забылъ надо быть...

— Эге, братъ, ищи—свищи! — найдешь ты его, чорта въ ступѣ! замѣчаетъ съ улыбкою дворникъ. Онъ, поди чай, давнымъ давно стрекача далъ на канаву: дворъ то вѣдь тутъ сквознякъ—двое воротъ, значить...

— Ахъ ты, дѣло то какос! сокрушается перепуганный Миколка и, въ ожиданіи хозяйской гонки, съ щемящимъ сердцемъ и пустою мошонкой отправляется, голодный, на заму-ченной клячѣ, къ себѣ во свояси. Хозяинъ на этотъ разъ уже не ограничился энергической рацеей да подзатыльникомъ, а взялъ возжи и отвозилъ ими по спинѣ безвиннаго Миколку, а энергическая радея пошла уже на придачу къ возкѣ. Товарищи продолжаютъ смѣяться. Оскорбленное сердце Миколки начинаетъ понемногу ожесточаться, а умъ работаетъ надъ изысканіемъ способовъ, какими бы это судьбами поскорѣе вогнать ему себя подъ общую стать съ остальными товарищами, которымъ весело живется и все удается. Миколка начинаетъ перенимать извощи чьи ухватки, учится хитрить и торговаться съ сѣдоками, онъ

кое-какъ улицы и концы различаетъ и зубоскалить уже понемногу; онъ почти опытенъ — да только не совсѣмъ.

Заѣзжаетъ онъ разъ чаю напиться въ одну харчевню — «не въ обычную», т. е. не въ одну изъ тѣхъ, гдѣ обыкновенно собираются чаевать извозчики, а таковыми мѣстами въ центрѣ города являются три наиболѣе популярныя въ извозничьемъ мірѣ «заведенія» — это именно: Александрія, въ Толмазовомъ переулкѣ, Ерши у Пяти Угловъ, въ Разъѣзжей, и Одесса, въ Стремянной улицѣ.

Заѣхалъ нашъ Миколка въ харчевню (дѣло уже по зимѣ было), лошадь поставилъ подъ навѣсъ, а самъ грѣться за чайникъ. Подсѣла къ нему какая то чуйка. — Ты изъ какихъ! — Я изъ ямбургскихъ. А ты изъ какихъ? — А я съ подъ Рамбова. Слово за слово, и разговорились. — Одначе пора мнѣ, говоритъ чуйка, всласть накалякавшись съ парнемъ, и убралась себѣ по добру по здорову. Парень во дворъ къ лошаденкѣ — хватъ, полость новая и подушка съ саней пропали. Онъ туды — сю-

ды, и въ харчевню, и къ дворнику, и на улицу—куда тебѣ, и слѣдъ давнымъ давно простылъ! Взвылъ мой парень, у воротъ стоячи, слезами взвылъ. Собралась кучка, народъ кое-какой сѣрой да свой братъ извозчикъ мимоѣзжій, окружили парня, спрашиваютъ: «что случилось, робя!»

— Да вотъ у парнишки, пока чай пилъ, *мякоть сжулили*, замѣчастъ одинъ изъ извозниковъ другому. Надо замѣтить, что очень многіе изъ ѣзжалыхъ извозниковъ маракутъ кое-что «на байковомъ языкѣ»—argot нашихъ мошенниковъ, а нѣкоторые даже любятъ между собою пускать въ ходъ иногда кое-какіе байковые термины, когда дѣло касается покражи—такъ въ этомъ случаѣ слово *мякоть* означаетъ подушку экипажную.

— Мякоть?!.. Эге, глянь-ко, паря, да у него и *рогожи* (полсти) нѣтъ, благо, что *скамейку* (лошадь) еще не угнали! теперѣ, значитъ бѣда въ полбѣды, а то и совсѣмъ бѣда была бы!

Во всемъ этомъ мало утѣшительнаго. На мѣсто дѣйствія появляется градской стражъ,

кого привлекло сюда любопытство при видѣ скопища; является онъ какъ нѣкій зевесъ громовержецъ, и водворяетъ порядокъ, то есть разгоняетъ толпу, садится въ Миколкины сани и хочетъ везти его въ часть. Миколка чуетъ надъ собой еще новую бѣду, взмаливается, чтобы стражъ отпустилъ его, но стражъ непреклоненъ и неумолимъ: начальство-де разберетъ. Однако еще и начальство не вдругъ разбираетъ, и Миколку, по ходатайству стража, сажаютъ въ сибирку. Сидитъ Миколка сутки, сидитъ другія, на третью является извѣщенный хозяинъ, милостивый государь Иванъ Савельичъ, и выручаетъ Миколку изъ бѣдовой бѣды, отъ пилки дровъ да тасканья воды въ частномъ домѣ. А дома гонка. Опять хозяйская возжа гуляетъ по Миколкиной спинѣ, опять длинная раcea и покоры товарищей, да въ придачу ко всему этому четырехъ-мѣсячный вычетъ изъ жалованья за утраченные вещи; тутъ уже все припомнилъ Иванъ Савельевъ: и конецъ на Васильевскій за пяталинный, и фертика, что «далъ стрѣчка на

сквознякъ», и иные недочеты — все какъ есть дочиста припомнилъ, на костяшкахъ отчислилъ да и поставилъ въ строку: «за все, молъ, вычту теперь однимъ разомъ». Миколкино сердце окончательно уже ожесточилось, да и двухъ-суточное сидѣнье въ арестантской, гдѣ всякаго народу вдоволь, а больше всего шатаекъ бездомовныхъ да мазуриковъ, тоже не прошло ему безъ пользы. Понялъ Миколка, что простота въ извозномъ промыслѣ самое неподходящее, самое послѣднее дѣло, и повернулъ на новую дорогу. Опытность приходитъ къ людямъ не сразу, а мало по малу, съ приглядкой, ковыляя да спотыкаясь, — пришла она такъ и къ Миколкѣ несуразому. Постигъ и Миколка наконецъ всякую хитрость и всякую штуку извощичью. Стоитъ онъ, на примѣръ, у Технологическаго института, и видитъ, что спѣшить наниматель: «на Царскосельскую машину», кричитъ ему.

— Только туда? вопрошаетъ, лихо подкативъ, Миколка.

— Только туда. — Что возьмешь? поскорѣе надо!

Миколка очень хорошо чувствуетъ, что за разстояніе въ какія нибудь двѣсти сажень, если еще не менѣе, посовѣсти бы, больше гривенника взять не приходится, а уже много-много, коли пяталинный, ради скорой ѣзды, но онъ видитъ, что нанимателю дѣло къ спѣху, что наниматель торопится застать поѣздъ желѣзной дороги, и потому, съ любезной наглостью оскаливъ свои бѣлые зубы, Миколка заламываетъ неслыханную цѣну.--«Тридцать пять копѣчекъ положьте», говоритъ онъ.

— Да ты съ ума сошелъ! возражаетъ наниматель.

— Какъ угодно-съ... меньше нельзя, зато лихо предоставимъ.

Въ это время подкатываютъ еще два-три близьстоящіе пзвощика и, узнавъ куда рядится наниматель, заламываютъ ту же цѣну, а одинъ изъ нихъ даже нагло запросилъ сорокъ копѣекъ.

— Тридцать копѣекъ положьте-съ, ваше сіясъ! предлагаетъ снова Миколка, подкативъ еще лише прежняго. Наниматель, боясь опоз-

дать и надѣясь на бодрую рысь Миколкиной лошадки, соглашается на его цѣну — «только, моль, пошелъ живѣе, ради бога!»

Но у лошадки рыси словно и не бывало: потрухиваетъ себѣ по мостовой, нога за ногу, такъ что даже самъ Миколка, понурая голову, кренделемъ несчастнымъ сгорбился.

— Да прибавь же ты шагу, любезный! упрашиваетъ наниматель.

Извозникъ никакого вниманія не обращаетъ, будто и не слышитъ, будто это совсѣмъ не до него и касается.

— Да слышишь ты, чортъ, вѣдь я опоздаю! пошелъ живѣй, говорятъ тебѣ!

— Я и то живо... ѣду вѣдь! — чего еще? сквозь зубы цѣдитъ Миколка.

— Развѣ такъ ѣздить? ударь ее кнутомъ!

— Зачѣмъ кнутомъ? она и такъ идетъ!... продолжаетъ онъ ворчать нелюбезнымъ тономъ, какой тамъ еще ѣзды! и то ѣдешь, какъ надо — по цѣнѣ и ѣзда.

— Да вѣдь ты же рысью подкатывалъ ко мнѣ.

— Ну, рысью! .. Ну, такъ чтожь?

— А теперь, точно нарочно везешь такъ, что опоздать придется.

— Положите тридцать-пять копѣекъ, не жалѣйте, такъ предоставляю, говоритъ онъ.

Наниматель очень хорошо видитъ, что все-это штука, что это дѣлается нарочно, съ умышленною цѣлью; но изъ за пяточка не стать съ нимъ спорить, когда опоздать боишься,—онъ обѣщаетъ прибавку — и извозчикъ вмигъ доставляетъ его къ дебаркадеру, — откуда и рысь взялася! А попробуй-ка онъ не додать пяточка, добытаго такимъ вымогательствомъ, извозчикъ надѣлаетъ такого скандалу, что и не приведи богъ — при публикѣ оконфузить, обругаетъ что ни есть хуже, чѣмъ нибудь въ родѣ «голоштанника», «мазурика», «христарадника» и т. п., а не то иной разъ попытается проникнуть за нимъ и за стеклянную дверь, чтобы тамъ со слезливою наглестью продолжать свое требованіе. Миколка — человекъ очень мстительнаго нрава; таковымъ сдѣлалъ его закалъ петербургско-извозничьяго быта. Одной барынь, которая

никакъ не желала прибавить ему вѣроятно
обѣщанный пятакъ, онъ послалъ въ догонку,
съ помощью своего сапожнаго носка, весьма
изрядный комъ подворотной грязи, коею, какъ
извѣстно, преизобилуетъ Петербургъ почти
во всякое время года. Ударъ оказался весьма
удаченъ — у барыни весь шлейфъ ея платья,
вся юбка и часть бурнуса были перепачканы,
а Миколка, боясь преслѣдованія, скорѣе въ
дрожки да и тягу съ улицы, чтобы скрыть
концы въ воду. Вообще онъ нагло блудливъ
какъ кошка, и трусливъ, какъ заяцъ. — Это об-
щая характерная черта почти всѣхъ петер-
бургскихъ ванекъ. Порядился онъ разъ за 30
коп. съ Васильевского острова въ Семенов-
скій полкъ двухъ барынь свезти. Довезъ бла-
гополучно, барыни заплатили и проходятъ
себѣ спокойно въ калитку деревяннаго доми-
ка; — не тутъ-то было, извозчикъ за ними: «обѣ-
щали, молъ, прибавку, заплатите сорокъ ко-
пѣекъ, потому далече». Тѣ не слушаютъ и
входятъ въ дверь своей квартиры — извозчикъ
врывается за ними и начинаетъ шумѣть въ

кухнѣ. Предполагалъ онъ, что барыньки тутъ однѣ, сами по себѣ живутъ и что, значитъ, наглостью и крикомъ отъ нихъ лишній гривенникъ выманить можно, какъ вдругъ выходитъ мужъ одной изъ нихъ, чиновникъ, и требуетъ билета.

— Какого билета!? Ступай къ дрожкамъ и гляди билетъ, коли хошь! Пускай онѣ деньги заплатятъ, когда обѣщали, а обижать-то нашего брата зачѣмъ же? возражаетъ извозникъ, однако тономъ пониже. Чиновникъ предлагаетъ ему убираться.

— Нѣтъ, я не пойду, а вы деньги сперва заплатите, я денегъ не получалъ еще.

— Тебѣ вѣдь ужъ заплочено.

— Когда заплочено? кто платилъ? кто видѣлъ, гдѣ свидѣтели?... Я хошь подъ присягу пойду! харахорится Миколка.

— А не хочешь ли сперва со мною въ часть? предлагаетъ ему чиновникъ, и велитъ прислугѣ кликнуть дворника. Миколка вдругъ бацъ на колѣни и начинаетъ плакать.

— Батюшка! голубчикъ! Отпустите, про-

стите, заставьте вѣчно бога молить! Въ части вѣдь трое сутокъ продержать! Никогда больше не буду; видѣть богъ — не буду!

Чпновникъ отпускаетъ съ миромъ умолившаго Миколку.

Везетъ онъ разъ сѣдока часу въ двѣнадцатомъ ночи по Петровскому острову, мимо его пролетаетъ, обнявшись съ нѣжною дульциней, знакомый извозчикъ, горланя развеселую пѣсню. — «Здорово, Миколка!» — Здорово! ты куда? — Въ Колтовскую, къ нашему трактиру, на всю ночь закачусь.. Ёзжай, что ли, со мною — любо будетъ!

— Ладно прїѣду. И знакомый извозчикъ скрывается за поворотомъ въ переулокъ къ ждановскому мосту. Не проѣхалъ въ слѣдъ за тѣмъ Миколка и двадцати шаговъ, какъ лошаденка его стала, закружилась на мѣстѣ и заметалась въ стороны. Тотъ ее кнутомъ; кляча брыкается, а сама еще пуще кружится, да дрожки своротить въ канаву наровить.

— Задурила, сударь, никакъ нейдетъ! надо слѣзть будетъ, убѣждаетъ извозчикъ сѣдока, и тотъ, нечего дѣлать, слѣзаетъ.

— Положите, что ваша милость будетъ, совсѣмъ ничего не выѣздилъ, хозяину отдать, жалобно выпрашиваетъ онъ, тогда какъ лошадь продолжаетъ крутиться. Выклянчивъ наконецъ какой либо двугривенный, Миколка даетъ возжи, быстро поворачиваетъ назадъ и еще быстрѣе, съ присвистомъ, исчезаетъ за ждановскимъ мостомъ всѣдъ за своимъ знакомымъ товарищемъ. А сѣдокъ въ двѣнадцать часовъ ночи изволь идти пѣшкомъ по пустынному парку, и пока-то попадется новый извощикъ за Тучковымъ мостомъ. Въ другой разъ, по тому же самому Петровскому парку и точно также глубокою ночью, везъ онъ какого-то пьянаго господина. Оборачивается—господинъ спитъ себѣ, усердно раскланиваясь во всѣ стороны. Парень и пересѣлъ къ нему съ козелъ, поѣхалъ потише, залѣзъ осторожно въ карманъ, вынулъ бумажникъ, а затѣмъ не долго думая, пустилъ во всю прыть лошаденку и однимъ ловкимъ ударомъ столкнулъ пьянаго на дорогу. Пока тотъ прочухался да крикнулъ «карауль!»—Миколки ужъ и слѣдъ

давно простылъ. Очень ужъ понравилось ему это легкое и прибыльное занятіе и сталъ онъ изобрѣтать другія, новыя и болѣе осторожныя средства для поддержки означеннаго занятія. Пьяныхъ онъ очень любитъ возить, но только самъ по себѣ, а не тогда, когда городской положить упившееся тѣло поцерегъ дрожекъ и самъ усядется съ боку на крылѣ, для законнаго препровожденія онаго тѣла въ мѣсто злачно и прохладно, въ просторѣчій частью, сирѣчь съѣзжимъ домомъ именуемое. Этого послѣдняго пасажа извозчики вообще сильно не долюбливаютъ и стоитъ только городовому показаться около пьянаго тѣла, чтобы всѣ близъстоящіе извозчики въ тотъ же мигъ дали стречка. Свезти куда нибудь городского или пьянаго въ часть считается у нихъ скверною примѣтой: непременно надъ головой въ тотъ день бѣда какая ни на есть стрясется или, ужъ по малой мѣрѣ, выручка больно плоха къ вечеру будетъ. Нашелъ Миколка средство добывать себѣ постоянно отъ одного разлюбезнаго человѣка «двойчатки»

т. е. фальшивыя жестянки, помимо своей настоящей, и сталь съ такими двойчатками выѣзжать къ Варшавской, а не то къ Московской желѣзной дорогѣ, гдѣ всегда, передъ прибытіемъ поѣзда, толчется огромная гурьба извозчиковъ и ихъ экипажей.

— Пожалуйста, сударь, со мною, кричитъ онъ пріѣзжему, у котораго замѣтилъ въ рукавѣ сакъ-вояжъ или небольшой чемоданчикъ. Извольте билетецъ, а мнѣ вещи пожалуйста, я до санокъ донесу, предлагаетъ онъ, сунувъ пріѣзжему свою «двойчатку» и вырвавъ у него изъ рукъ чемоданчикъ. Какъ только почувствуетъ онъ на себѣ эту пріятную ношу, такъ тотчасъ поровить юркнуть въ толпу и затеряться между экипажами. Добравшись до своихъ саней, Миколка проворно суетъ благопріобрѣтенную поклажу внизъ подъ полость и удираетъ во свояси, т. е. въ какое нибудь заведеніе хорошо знакомое, гдѣ онъ можетъ безпрепятственно, по дружбѣ да по секрету, «переколотить» маклаку-буфетчику либо маклаку-половому свой «вольный товаръ» на чистыя денежки.

— Хочешъ, что ль, къ молодцамъ нашимъ *присламитъ*ся (войдти въ долю), предлагаетъ маклакъ Миколкъ; ты парень *клевый* (подходящій) и на ефти дѣла, кажись, больно шустёръ.

— А что дѣлать понадобится? вопрошаетъ клеvyй парень.

— Да немного. *Клей* (воровское дѣло) одинъ выгораеть нонѣшней ночью—такъ надо будетъ съ *жоржемъ* (воромъ) однимъ *ухрятъ* (ускакать) отъ *фарасновъ* (городовыхъ), при вольномъ товарѣ; *третій* *сламъ* получишь (третью долю); и деть, что-ли?

— Зачѣмъ нейдти? и деть! только чарку магарычнаго на вспрыски для зарученья поставь, соглашается Миколка, и, хлопнувъ по ладонямъ, заручается въ воровскую шайку, съ спеціальною цѣлью увозить покражу и мазуриковъ отъ мѣста преступленія. Впрочемъ, эта послѣдняя профессія относится преимущественно къ такъ называемымъ лихачамъ, которые сами по себѣ заслуживаютъ отдѣльнаго очерка. Итакъ, Миколка дѣлается негодяемъ. Но виновать ли въ этомъ Миколка?

Хорошо, что вы можете читать
впечатлительны (попытка в дождь)
наконец Милосердия (попытка)
данный и в своем роде, как и в своем
— Это дело, которое вы можете
написать. —
Да, конечно, вы можете (попытка)
выполнить, но вы не можете — это
должно быть (попытка) —
(попытка) — (попытка)
попытка — (попытка)
(попытка) — (попытка)
— Вы можете (попытка)
также, как и в своем роде, как и в своем
составе Милосердия, и в своем роде
записывать в Милосердия, как и в своем
попытка — (попытка)
много — (попытка)
профессия — (попытка)
наконец, как и в своем роде, как и в своем
записывать, как и в своем роде, как и в своем
попытка — (попытка)
наконец, как и в своем роде, как и в своем

VI.

ЛИХАЧИ.

Петербургскимъ жителямъ очень хорошо извѣстенъ особый родъ публичныхъ возницъ, весьма мѣтко прозванный *лихачами*. Это — аристократія извозничьяго класса и, замѣтьте, аристократія самая гордая, самая чванливая и недоступная изъ всѣхъ аристократій въ мірѣ... Если вы любаго изъ нихъ вздумаете, напримѣръ, спросить—кто онъ таковъ?—можете быть увѣрены, что получите исполненный внутренняго достоинства отвѣтъ:

— Мы лихачи.

— Да ты изъ какихъ? крестьянинъ или мѣщанинъ здѣшній, что-ли? продолжаете вы распросы.

— Чего тутъ изъ какихъ! нехотя возра-
зить онъ съ отѣнкомъ видимаго неудоволь-
ствія, сказано—лихачи! ну, лихачи и есть,
одно слово!...

Это впрочемъ будетъ еще очень милостиво
съ его стороны, если онъ удостоитъ васъ
своимъ разговоромъ; а коли случится на ту
пору быть ему не въ духѣ—такъ можете и
не дожидаться отвѣта, а взамѣнъ его получить
презрительно-скошенный взоръ, съ оглядкой
всего вашего костюма, съ ногъ до головы:
«какъ, молъ, одѣтъ-то ты—стоитъ-ли изъ че-
го и разговаривать-то еще съ тобою?»

Петербургскіе лихачи во всей красѣ своей
являются преимущественно въ свѣтлые зим-
ніе дни. Ступайте вы въ этакій день по Нев-
скому проспекту отъ Вшивой биржи, что на
углу Невского и Владимірской—и у Аничко-
ва моста—вы увидите трехъ-четырехъ здоро-
выхъ лихачей въ голубыхъ и малиновыхъ
шапкахъ, въ темнозеленыхъ толстыхъ армя-
кахъ съ красивыми поясами—стоятъ себѣ эти
лихачи, поколачивая о панель чоботами, отъ

крѣпкаго морозца, да весело балагурять между собою, дѣлая критическія замѣчанія на счетъ мимо летящихъ рысаковъ и мимо идущихъ барынь.

— Ишь-ты, сударыня барыня, преть ссбѣ, юшки закруглимши.

— Сталъ быть вышла погулять «по своей охотѣ».

— Ха, ха, ха! Это точно, что «по своей охотѣ!»

— Разлюбезная, братецъ ты мой, эта самая иѣсня, я тебѣ скажу! — меня купецъ одинъ выучилъ... «Перейдя Казанскій мостъ, повернула влѣво». А ужъ и покутили же мы съ нимъ, съ купцомъ-то — всего тутъ было!... Просто — малина!

— Пётра! а Пётра! глядь-ко, глянь — какой рысакъ отхватываетъ!

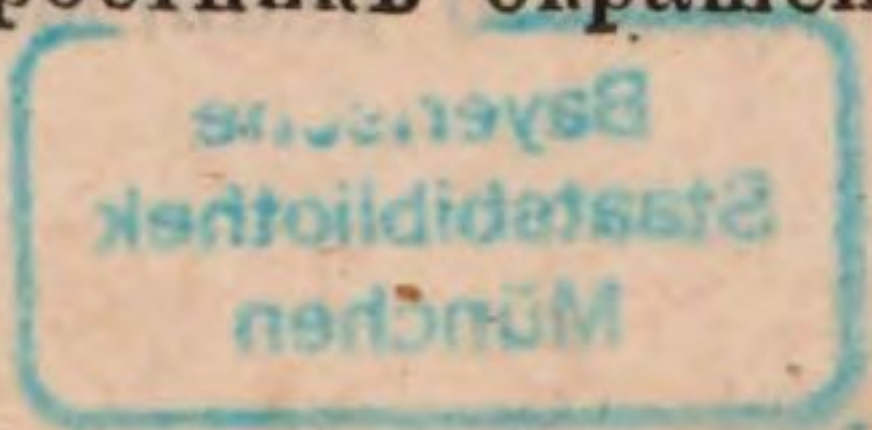
— Важно!.. ишь ты, какъ ногамъ-то отчетисто забираетъ — красота! Чей такой это, братцы?

— Надо быть Тупалинскій.

— Куды-тѣ Тупалинскій! Это — Черносельскаго, князя.

— Толкуй ты, Лучше на своо подь да пригляни—вишь, онъ за колоду-то выпятился.

Обратите вниманіе на лихачевскихъ лошадей и лихачевскіе экипажи. Вороной или сѣрый въ яблокахъ, красивый рысакъ составляетъ необходимую принадлежность порядочнаго лихача. Кутящіе купеческіе сынки въ особенности любятъ сѣрыхъ — «потому оно съиздали казистѣе и форсу гораздо больше.» Яркая, ковровая попона съ бахромой и кистями роскошно покрываетъ спину и бедра статной лошади; тонкая полированная дуга красиво изгибается надъ породистой мордой, которую украшаетъ уздечка съ посеребреннымъ, а иногда и чистымъ восемьдесятъ четвертой пробы приборомъ. Чернобурая медвѣжья полость небрежно касается оторокой уличнаго снѣга, а легкія сани такъ и блещутъ, такъ и красуются на зимнемъ солнцѣ. Купеческіе сынки между лихачевскими санями предпочитаютъ, въ силу все тѣхъ же «казистости и форсу», санки плетенныя, проволочныя и подь тростникъ окрашенныя. Главныя

стоянки наиболѣе замѣчательныхъ лихачей петербургскихъ находятся у мостовъ: Аничкова, Полицейскаго, Краснаго, Вознесенскаго и на Васильевскомъ островѣ по первой линіи у Средняго проспекта. Пальма первенства принадлежитъ однако первому изъ нихъ — т. е. Аничкову, который служитъ самымъ аристократическимъ пунктомъ для самыхъ закоренѣлыхъ аристократовъ лихачевского міра.

Нравы у лихачей, какъ мы сказали уже, очень гордые и весьма высокомерные. Каждый индивидуумъ этой породы непремѣнно преисполненъ самымъ чванливымъ сознаніемъ, что онъ — лихачъ, стало быть, въ нѣкоторомъ родѣ существо высшее и имѣющее полное право относиться ко всему остальному міру не иначе какъ съ презрѣніемъ. Это первое его свойство; онъ даже презираетъ тѣхъ, къ которымъ обращается съ титуломъ «ваше сіясъ», а титулъ этотъ можетъ пріобрѣсть всякій, кто, въ силу требованій своей россійско-широкой натуры, захочетъ оказать благодушество и кинетъ лихачу на водку пятирублевую ассигнацію.

Презираетъ же лихачъ ихъ потому, что на вѣ-
ку своемъ видывалъ виды и что изъ тертыхъ
калачей, по чести, можетъ считаться самымъ
перетертымъ.

Идетъ напрімѣръ по Невскому пріѣзжій
провинціалъ, мало знакомый съ условіями пе-
тербургской жизни. Видитъ онъ — стоятъ у
колодъ прекрасныя лошади; слышалъ онъ, что
есть здѣсь какіе-то очень хорошіе извозчики
лихачи. «Не это ли?» думаетъ онъ и обращает-
ся къ возницѣ: — Ты лихачъ?

— Лихачи-съ....

— Что возьмешь съѣздить въ Морскую и
обратно ко Владимірской?

— Только ѣзды и будетъ?

— Только и всего.

— Да что взять?.. Три рублика съ вашей
милости положьте... И то только такъ ужь, съ
почину...

— Какъ три рублика? говорятъ выпучивъ
глаза наниматель, не вѣря собственнымъ
ушамъ.

— А то сколько же? возражаетъ лихачъ,

три рублика - это недорого, и то только для васъ, больше для блезиру — уваженіе оказать... Такъ какъ же-съ, сударь, прикажете подать? — Нѣтъ, братъ, цѣна ужь больно несообразная, отнѣкивается, удаляясь отъ него, озадаченный наниматель, а лихачъ нахально разсуждаетъ вдогонку, и нарочно такъ, чтобы тотъ слышалъ:

— Ишь ты, голоштаный! туды же лихача нанимать сунулся... Ужь куды те, голи этакой, на лихачахъ кататься? Ты и бери себѣ желтоглазаго какого, коли въ карманахъ цятать безъ алтына мотается!

Товарищи лихачи очень довольны «обры-валой» и самодовольно регочутъ.

Коренные петербургскіе жители эту штуку вполне понимаютъ, зная очень хорошо лихачевскіе нравы, и потому никогда ихъ не нанимаютъ: они довольствуются исключительно скромными ваньками; такъ что лихачи для большинства петербурскаго населенія, за весьма и весьма немногими исключеніями, вполне бесполезны, ибо не представляютъ ни ма-

лѣйшей существенной потребности. Они ищутъ свою собственную публику, своихъ собственныхъ потребителей.

Вотъ проходитъ по мосту разраженная въ бархатную шубку и невыразимо-яркую шляпку особа известнаго рода. Лихачи ужь издали намѣтили ея приближеніе и весело подмигиваютъ ей, съ присовокупленіемъ разныхъ поощрительныхъ изрѣченій.

— Что же, Сашка, прокатить тебя нониче, аль нѣтъ? фамильярно обращается лихачъ къ поровнявшейся съ нимъ особѣ.

Надо сказать, что вѣ эти особы, болѣе или менѣе, состоятъ въ пріятномъ знакомствѣ и въ отмѣнной дружбѣ съ петербургскими лихачами: здѣсь, что называется, рука руку моетъ.

— Катай, пожалуй, соглашается особа, которая никогда не прочь отъ этого удовольствія—два конца отъ Аничкова до Полицейскаго, что возьмешь?

— Чего голчить-то задаромъ? цѣна известная, по такцыѣ— пять рублей съ вашего брата, одно слово.

— Денегъ нѣтъ съ собою, вздыхаетъ особа.

— Ладно! сочтемся; послѣ отдашь! десять должна да нониче пять, и того пятнадцать — садись что ли скорѣй въ санки, да и отдернемъ со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ — съ форсомъ значить! бойко приговариваетъ лихачъ, отстегивая свою медвѣжью полость.

И вотъ яркая шляпка особы мелькаетъ по Невскому съ быстротою локомотива. Ея рѣсницы и взбитые волосы, борода и усы ея кучера, медвѣжья полость саней, и спинка бархатной шубки — все это сплошь запушено густымъ слоемъ морозной пыли. Красивый рысакъ разгоряченъ и пышетъ клубами пара. Встрѣчные матушкины дѣтки заглядываютъ особѣ подъ шляпку и начинаютъ заигрывать съ нею въ невинную игру — перегонку, которая очень часто оканчивается объявленіемъ на другой день въ полицейской газетѣ, что ускокавшимъ рысакомъ раздавленъ переходившій улицу ребенокъ или сшиблена съ ногъ старуха, отправленная для поданія медицинской помощи въ больницу.

— Слышь ты, Сашка, обращается лихачъ къ особѣ, при концѣ ихъ увеселительной экскурсіи. Прозябъ я больно... такъ ты бы чайкомъ побаловала... Поѣдемъ нешто къ тебѣ въ Итальянскую чай пить — лошадь дворнику подъ присмотръ оставлю.

— Поѣдемъ, если еще одинъ конецъ дашь! соглашается особа, и увеселительная экскурсія продолжается съ бѣльшимъ ожесточеніемъ.

Подобныя особы составляютъ первый разрядъ обычной лихачевской публики. Второй разрядъ — матушкины сынки и, по преимуществу, кутящіе, подъ сурдинку отъ тятеньки, купчики. Третій — тотъ особый классъ индивидуумовъ, который петербургскимъ жителямъ извѣстенъ подъ общимъ нарицательнымъ именемъ *мазуриковъ*. Эти-то два послѣдніе разряда лихачевскихъ потребителей собственно и производятъ лихачей на свѣтъ Божій. Они суть прямое порожденіе нуждъ и потребностей кутящихъ купчиковъ и промышляющихъ мазуриковъ.

Происхожденіе лихачей трояко: или это сынъ

«хозяина», содержателя извознаго двора, которому дается лучшій экипажъ и лучшая упряжка (этотъ разрядъ еще самый скромный); или же онъ выслужившійся и составившій кое-какой капитадецъ кучеръ; или, наконецъ, хозяйскій работникъ, попавшій въ лихачи въ силу особенныхъ обстоятельствъ, которыя также бываютъ двойки и которыя мы сейчасъ же пояснимъ незнакомому съ этимъ дѣломъ читателю.

Иногда, напримѣръ, «хозяйскій сынъ» обыкновенно первый денди на своемъ дворѣ—не захочетъ выѣхать: понеужиться ему или такъ, просто недосугъ за другимъ какимъ дѣломъ, и его щегольская упряжка поручается одному изъ болѣе надежныхъ работниковъ. Если этотъ болѣе надежный работникъ—парень изъмышленныхъ, то онъ непременно постарается воспользоваться такимъ обстоятельствомъ. Выѣхавъ изъ дому и повозивъ часу до втораго кое-какихъ неважныхъ сѣдоковъ, за неособенно важную, хотя и не мелкую плату, онъ, послѣ отдыха и кор-

ма, становится со своимъ экипажемъ либо у Палкина, либо у Наумова, либо вообще у одного изъ тѣхъ трактировъ, гдѣ наиболѣе почерпаются кутящіе купцы. Вотъ, напри- мѣръ, на его счастье, выходитъ позавтракав- шая и, стало быть, подгулявшая пара доб- рыхъ пріятелей—въ яркихъ галсукахъ, ши- рочайшихъ *невыразимыхъ* въ широчайшую клѣтку и въ ярко сѣрыхъ пальто... Усики вытянуты въ струнку, волосы зачесаны съ проборомъ, якобы по англійски, и завиты напередъ въ два толстые «кока» — словомъ сказать—всѣ вѣрнѣйшіе признаки кутящихъ франтовъ и донъ-хуановъ именитаго купече- скаго сословія.

— Извощикъ! выкрикаетъ одинъ изъ нихъ сипло-пьяноватымъ голосомъ, держа въ зу- бахъ дымящійся окурокъ папироски.

Стая возницъ, сшибая съ ногъ и толкая кулаками въ спину другъ друга, мигомъ окру- жаетъ нанимателей. Смышленный парень чувствуетъ вѣрную и обильную добычу и потому, рискуя своими боками и ухарски работая кулачища-

ми, лихо продрался впередъ, грудь съ грудью къ нанимателямъ.

— Пожалуйте-съ, ваше сіясъ, со мной съ лихачемъ! съ лихачемъ! громче всѣхъ кричитъ онъ, корча ухарскими ужимками свою фizioномію и размахивая руками.

Слово «лихачъ» магическимъ образомъ дѣйствуетъ на кутящихъ купчиковъ, ибо кутежъ «съ камеліями и съ лихачемъ» для нихъ— верхъ блаженства и высшій идеалъ донъ-хуаническихъ похощеній.

— А! лихачъ?... Вася! слышишь ты?— тутъ лихачъ есть!... Прочь вы, сволочь, намъ лихача подавай! который лихачъ тутъ?

— Я вашему сіяству—лихачъ! бойко подхватываетъ смысленный парень. Куда прикажете-съ?

— Къ чорту на кулички! шутятъ остроумные купчики.

— Извольте садиться! Это можно-съ, ваше сіясъ! Представимъ лихо! и онъ тянетъ сѣдоковъ къ своему экипажу.

— Что же берешь ты къ чорту-то на кулички свезти насъ? продолжаютъ пріятель.

— Что милость ваша будетъ!... Что пожелаете, то и возьмемъ... Господа добрые — не обидите! заманиваетъ ухмыляясь парень.

— Ну, куда же ты поедешь насъ теперича? ломаются надъ нимъ купчики, усѣвшись на подушку и думая озадачить его такимъ вопросомъ послѣ найма къ чорту на кулички.

— Да ужь извѣстно куда! откликается несмущаемый парень — куда всѣхъ князьевъ-графовъ представляемъ, туда и вашихъ сіяствъ! Перво на перво отдернемъ по Невскому, а тамъ въ Катерингофъ, да на Крестовскій въ Русскій трактиръ къ Беркѣ Свердлову въ гости, а послѣ еще прокачу къ барынкѣ одной, да такой, что десять рублей на чай пожалуете-сь.

— Это мы можемъ, это для насъ — все равно, что наплевать, похваляются купчики. Ты только знай лупи во всѣ лопатки, чтобы чертямъ жарко было, да офицеровъ-то, офицеровъ, главное дѣло, обгоняй по Невскому.

— Только держитесь, а ужь мы — удобле-

творимъ! говоритъ онъ, подобравъ возжи, и во всю прыть пускаетъ рысакъ вдоль улицы.

Обычными и при томъ самыми любимыми мѣстами для кутежей купеческихъ сынковъ служатъ Екатерингофскій вокзалъ Егарева и Русскій трактиръ на Крестовскомъ островѣ. Мѣста эти весьма грязноваты по своей обстановкѣ, но — въ нихъ русскій духъ, въ нихъ Русью пахнетъ, въ нихъ нашему ндраву не препятствуютъ — только деньги знай получаютъ. Въ нихъ кутежную братью увеселяютъ беззубыя, вонючія цыганки, наштукатуренныя тирольки, золотушно-осиплыя арфистки и самъ Берко Свердловъ на деревянно-соломенномъ инструментѣ. Покутивъ «во всю свою душеньку» и поднеся стаканчикъ-другой возницѣ, купчики уѣзжаютъ въ обѣтованное эльдорадо, за которое, по увѣренію извозчика, охотно отдадутъ ему на чай красненькую. И дѣйствительно даютъ — потому имъ это дѣло — ровно, что наплевать.

Смышленный парень тутъ-то къ нимъ и подлаживается. Онъ знаетъ свою удобную минуту.

— Коли вашимъ съясвамъ въ угоду, такъ вы только прикажите, куда сами знать изволите, пріѣхать мнѣ за вами завтра — такъ я вамъ такую красавицу предоставлю, что просто малина! Французинку предоставимъ.

Смышленный парень отдаетъ хозяину всю свою выручку сполна, даже и «начайшья» и при этомъ сообщаетъ, что купцы безпремѣнно ему заказали пріѣзжать за ними завтра. Хозяинъ радъ такой хорошей выручкѣ и охотно соглашается. Купчики тоже рады французенкѣ, роль которой разыгрываетъ рижская нѣмка, которая, за исключеніемъ *вуй да нонѣ*, ничего не говоритъ съ купцами, что для этихъ послѣднихъ служить краснорѣчивѣйшимъ доводомъ того, что передъ ними — истинная, неподдѣльная французенка. Поѣздивъ такимъ образомъ нѣсколько дней сряду, смышленный парень успѣваетъ уловить такую именно минуту, когда купчики, пріявъ въ высшій экстазъ широкой натуры, восклицаютъ: «проси, чортъ, чего хочешь! Мы, значить, все это можемъ!» Парень и выпра-

шиваетъ себѣ рублей шестьсотъ на закладку, съ тѣмъ, что ужь онъ ихъ сѣсвамъ отслужить безцремѣнно. Кушчики вручаютъ ему деньги, а иногда и сами покупаютъ и дарятъ лошадь, со всѣмъ приборомъ, экипажъ и одежду. Парень отходитъ отъ хозяина и такимъ образомъ становится самостоятельнымъ, независимымъ лихачемъ, пускаясь во вся легкая и нелегкая своей спеціальной профессіи.

Второй способъ происхожденія лихачей изъ хозяйскихъ работниковъ еще легче перваго.

Читатель знаетъ уже по предъидущему нашему очерку: «Извозчикъ-Ванька», какъ молодой парнишка Миколка *присламился* къ мазурничьему *хороводу* (ассоціаціи). Хорошій лихачъ для хорошаго мазурика иногда столь же необходимъ, какъ вода для рыбы. Онъ для него лучшій товарищъ и лучшій помощникъ, потому что ловкій лихачъ придаетъ мошеннику вдвое болѣе отваги и дерзости въ предпріятіи. Онъ, по заранѣе опредѣленнымъ условіямъ, держится какъ можно ближе къ

вору во время «дѣлопроизводства». Лихачи обыкновенно избираются для такихъ предприятий, которыя соединены съ большими выгодами и опасностью. Онѣ всегда стоитъ за ближайшимъ угломъ или у воротъ того дома, гдѣ совершается кража. Чуть только мошенникъ вскочилъ въ его сани или кинулъ туда узелъ съ обычнымъ паролемъ: «*храй!*» или «*лататы!*» (удрай) — лихачъ во весь духъ пускаетъ свою лошадь, за которою не угонится никакой ванька; минута—а его ужъ и слѣдъ простылъ. Эти походы съ лихачами достигаютъ иногда неимоверной дерзости. Идетъ среди бѣла дня по людной улицѣ господинъ въ богатой бобровой или собольей шапкѣ. Лихачъ съ сѣдокомъ воромъ слѣдятъ за нимъ издали и чуть только выдастся у тротуара «чистое мѣсто», т. е. не занятое извозниками, — лихачъ подкатываетъ къ самому краю панели; прохожій не успѣетъ еще и обернуться, какъ ужъ шапка сорвана съ его головы и бодрый конь уноситъ мазурика отъ глазъ свидѣтелей происшествія. Извозники эти

въ особенности полезны не столько для кражи, сколько для открытаго грабежа въ вечернюю и ночную пору. Сорвавши шубу, часы, бумажникъ, мазурикъ часто, изъ удалства, «для форсу», тутъ же накидываетъ шубу на себя, бумажникъ съ часами въ карманъ и, давши ограбленному на прощанье тумака «фомкой» (небольшой желѣзный ломъ, какіе всегда находятся въ услугамъ воровъ въ желѣзныхъ лавкахъ подъ Толкучимъ), мошенникъ преспокойно садится въ сани и *ухаетъ* въ одинъ изъ обычныхъ мазурничьихъ притоновъ, которыми по преимуществу служатъ нѣкоторые трактиры и погребки. Есть на Екатерингофскомъ проспектѣ часовыхъ дѣлъ мастеръ Сирахъ, у котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было выбито съ улицы стекло, несмотря на то, что въ комнатѣ находились люди — подмастерья, которые едва только успѣли оглянуться, какъ замѣтили, что чья-то рука схватила съ окошка нѣсколько золотыхъ часовъ. Дверь на улицу находилась въ той же самой комнатѣ, такъ что выбѣ-

жать на панель было дѣломъ одной минуты, что конечно и не замедлили сдѣлать подмастерья, но.... мошенника уже не было. Стояли только случайные свидѣтели происшествія, которые видѣли, какъ онъ, выхвативъ часы, бросился въ экипажъ и тотчасъ же исчезъ на поворотѣ къ Вознесенскому проспекту.

Такимъ лихачамъ платится не менѣе двадцати пяти рублей за ночь; впрочемъ, смотря по важности и опасности дѣла, плата эта иногда достигаетъ и до ста рублей серебромъ.

Изъ рассказанныхъ нами фактовъ читатель ясно видитъ, что самое раціональное, самое практическое назначеніе лихачей, это — способствованіе мошенническимъ кражамъ и грабежу. Поэтому мошенники иногда сами производятъ на свѣтъ новыхъ товарищей лихачей. Дѣлается это, повторяемъ, очень просто. Если какой нибудь парнишка Миколка, по уговору какого нибудь маклака-буфетчика, прислаившійся къ хороводу, оказался парнемъ «клевымъ» подходящимъ, и если пред-

видится надежда, что онъ и впредь можетъ быть весьма полезенъ, то часто либо самъ маклакъ, либо *хороводъ* (ассоціація), либо же одинъ какой нибудь мошенникъ (не высшей, но средней руки) покупаетъ ему лошадь и экипажъ, съ тѣмъ, чтобы парень отслуживалъ ѣздою. Въ уплату долга идетъ обыкновенно слѣдуемый ему «*сламъ*» (*), который, какъ вы уже видѣли, простирается отъ двадцати-пяти до ста рублей серебромъ за ночь.

Въ заключеніе, мы можемъ прибавить только, что если жизнь, исполненная порока и часто преступленія, которую несетъ бѣднякъ извозчикъ-ванька, дѣлающійся иногда негодяемъ невольно, если его горькая судьба можетъ вызывать наше состраданіе, то самодовольно развратная и вполнѣ преступная жизнь извозчика лихача (въ общей сложности) есть явленіе непозволительное въ благоустроен-

(*) *Сламъ*—доли добычи.

номъ городѣ. Таково наше мнѣніе, выведенное не а priori, но основанное только на личныхъ наблюденіяхъ и на близкомъ знакомствѣ съ предметомъ.

VII.

БУКНИСТЪ.

Утромъ, часовъ въ девять, у дверей вашей квартиры раздается звонокъ. Вы, очень можетъ быть, еще находитесь въ постели. Входитъ человѣкъ вашъ или баба, зачастую въ Петербургъ отправляющая обязанности и за лакея и за кухарку, входитъ и докладываетъ, что отъ какого нибудь вашего знакомаго человѣка какой-то пришолъ къ вамъ.

— Что ему нужно?

— Не знаю... Сказывалъ самихъ нужно видѣть.

Нечего дѣлать: одѣваешься и выходишь.

Чаще всего такія посѣщенія выдаются на долю нашего брата литератора и потому пришедшій, почти всегда, посылая докладывать о себѣ, говоритъ, что онъ отъ какого нибудь литератора присланъ, чаще всего отъ Н. Ѳ. Щ—ны, М. И. С—аго, г-на Г—ди или г-на М—ова. Выходишь и видишь человѣка въ синей чуйкѣ, кушакомъ подпоясаннаго, съ фізіономіей пронырливо-любопытнаго свойства и съ ворохомъ книгъ въ довольно обширномъ, туго набитомъ мѣшкѣ. Вообще видно по взгляду, улыбкѣ, поклону и по манерѣ рѣчи, что пришедшій господинъ принадлежитъ къ породѣ тертыхъ калачей, сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы перепущенныхъ.

— Что тебѣ нужно, любезный? вопрошаете вы.

— Здравія желаемъ, ваше-скародіе! съ какимъ-то подергиваніемъ и улыбочкой отвѣчаетъ пришедшій.

— Здравствуй.... Что же тебѣ?

— Отъ Михайлы Иваныча Синевского къ вашей милости присланъ. Позвольте вашихъ книжечекъ посмотреть?

— Да за чѣмъ тебѣ?

— Букинисты-съ... Можетъ самимъ что нибудь угодно будетъ приобрѣсти, али обмѣняться. — Книжки хорошія-съ.

И не дожидаясь вашего согласія, онъ начинаетъ развязывать мѣшокъ и вытаскиваетъ изъ него свои сокровища.

— Да мнѣ не надо, любезный, ты не трудись понапрасно, возражаете вы.

— Ничего-съ; что за трудъ? Эфто опять уложить можно. А вы собственно только полюбопытствуйте, ублажаетъ букинистъ, поднося къ самому носу вашему нѣсколько книжекъ. Французскихъ не угодно ли? Вотъ «*мистіуръ де ля революсьонъ франсе*» — отмѣнная книга — очень одобряютъ. А то вотъ романъ: «*ле мистеръ-де-пари паръ еженъ сю*» съ иллюстраціями-съ... Не угодно ли, тоже вотъ самоновѣющая книжка: «*ле шарметъ жанъ-жакъ руссо етъ мадамъ де варанъ?*»

Все это произносить букинистъ скороговоркой и залпомъ, очень скоро и ловко мѣняя свои книги и быстро отвертывая за-

главную страницу. Онъ очевидно бьетъ на то, чтобы ошарашить васъ на счетъ своей образованности: «вотъ мы, дескать, какіе, — хоша и въ чуйкахъ ходимъ, а по французскому можемъ, потому — произошли.» Видя однако, что вы не поддаетесь ни на прелести *шарметъ* и *мистеровъ*, ни на познанія его во французскомъ языкѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько таинственную и вмѣстѣ съ тѣмъ клубнично-лукавую фizioномію.

— Можетъ вашей милости другаго надо?

— Чего другаго?

— А хоша бы на счетъ запрещеннаго? (это произносится конечно весьма пониженнымъ тономъ).

— Покажи, пожалуй....

— Вотъ-съ, не угодноли, самая что ни-на-есть запрещенная книжка — иностранная цензура никакъ не пропускаетъ-съ — «*ле-Мемуаръ де жакъ казанова*», али хоша бы вотъ «*леконтъ дролятикъ*».... «*Декамеронъ бокасъ*» тоже-съ...

— Нѣтъ, братъ, спасибо — этого ничего мнѣ не надо.

— Не требуецы?... Очинно хорошо-сь!... Мы эфто уберемъ, значить.... Можетъ вамъ философское надо?—Такъ вотъ-сь: *«ла ви де жезю паръ ернестъ ренанъ»* — самоновѣющая книга и при томъ запрещенная.... Али бы вотъ *штофъ ундъ крафтъ*.... Можетъ статцы книгу Штрауса желаете получить, или вообще что нибудь Бюхнера, Молешота-сь?—Съ собою теперь не имѣется, а если угодно—достать можемъ. Вотъ коли ежели Бокля или Джона Стюарта Миля?—это съ собою есть, на лицо-сь.... А то вотъ тоже взгляньте-сь: *«физиологія брака, сочиненіе доктора Дебе»*. — Утѣшительная книга-сь! Въ популярномъ изложеніи—большой запросъ имѣется.... А ежели что вамъ на счетъ хорошихъ переплетовъ нужно, такъ вотъ-сь: *«лефамъ де библь»* и *«лефамъ де балъзакъ»*—какъ есть кипсекъ выходить,—и ежели теперича на столь положить —отмѣнно-сь?

Выкладывая и развертывая, однѣ за другими, свои богатства, и видя, что вамъ ничто не понутру, онъ опять строить таинственную

рожу, только уже не съ клубнично-лукавымъ, а съ осторожно серьезнымъ выраженіемъ:

— Можетъ вамъ политическое?... Съ собой не имѣется, а достать—отчего же? Случаеи наворачиваются,—значить можно, потому нашему брату всякое наклевывается; къ нашему брату книга ровно какъ рыба въ вершу плыветъ, спѣшитъ онъ оговориться и какъ бы оправдаться. Впрочемъ, раза два крякнувъ послѣ этого, опять вопрошаетъ еще болѣе пониженнымъ тономъ:

— Такъ какъ же-съ, ваше-скародіе, на счетъ политическаго? не требуетцы?

— Не требуется.

— Это какъ вамъ угодно...я только къ слову... Такъ что же-съ ваше-скародіе, въ библиотечку-то? допустите-съ! прибавляетъ онъ извоищцки-просительнымъ голосомъ и съ ужимкой.

— Да я продавать ничего не стану, возражаете вы.

— Зачѣмъ продавать? продавать не нужно, а можетъ собственно помѣняться пожелаете-съ?

— И мѣняться не желаю.

— Это конечно, какъ вашей милости угодно будетъ.... А въ библіотечку одначе допустите-съ?!

— Да что, другъ любезный, у меня и кнпгъ- то никакихъ нѣтъ.

Букинистъ недовѣрчиво ухмыляется, какъ бы говоря этимъ: ладно, братъ, не надуешь.

— Никакъ эфтому быть невозможно! произноситъ онъ, потрянувъ назадъ волосами.

— Почему же невозможно?

— Потому — ваше-скародіе литераторы.... Какъ же литератору и вдругъ безъ книгъ быть? Никакъ этого нельзя! Таперица вотъ у Михайлы Ивановича Синевскаго, али у господина Генадія—просто страсть сколько книжекъ—шкапы лопаются-съ! право слово, лопаются.

— Да вѣдь я ужъ сказалъ, что ни продавать, ни мѣняться не желаю! возражаете вы.

— Все же таки допустите, хоша бы и не желали!.. Ужъ что вамъ! вѣдь ничево-съ, почему не допустить-съ?

— Да зачѣмъ же тебѣ? Я цѣли никакой не вижу.

— Ахъ, сударь! какъ цѣли никакой не видите?! Да мнѣ бы теперь хоша бы только по-смотреть! Взглянуть-то на нихъ, какія такія онѣ у васъ книжки-то эти?

— А смотреть зачѣмъ?

— Какъ же это такъ сказать можно «зачѣмъ?»— Страсть, сударь, любовь!... Правильно скажу вамъ: любовь, значить чувствую! Меня хлѣбомъ не корми, а до книжекъ допусти только!—въ рукахъ-то ихъ подержать любо мнѣ! Ей-богу-съ!

— Ну, гляди пожалуй! соглашаетесь вы—и букинистъ, необыкновенно довольный вашимъ позволеніемъ, — почтительно, но поспѣшно, направляется къ вашему кабинету.

Глаза у него разгораются и самъ онъ приходитъ въ волненіе, когда опытною рукою хватается за хорошую книгу—и вѣдь такъ таки прямо на нее и нацѣлится. Съ какимъ любопытствомъ и любознательностью истиннаго, закятаго любителя пробѣгаетъ онъ названіе и оглавленіе книги! Какъ поспѣшно перебираетъ одну за другою всѣ полки и,

глядь, минутъ черезъ пять ужъ у него въ сторонѣ изъ вашихъ книгъ отложена цѣлая кучка.

— Это зачѣмъ ты въ сторону-то отклады-
ваешь?

— Ужъ вы не извольте беспокоиться—не пропадетъ! ничего не пропадетъ—будьте-съ благонадежны-съ! все будетъ сохранно!

— Да все это хорошо, только отклады-
вать-то зачѣмъ же, я тебя спрашиваю?

А ужъ такъ... потому это любезныя! отвѣ-
чаетъ букинистъ, масляно ухмыляясь коша-
чьей ухмылкой и нѣжно похлопывая ладонью
по отложенной кучкѣ.

— Ваше-скародіе! а ваше-скородіе! усту-
пите-съ романъ Поль де-Кока!?—«Мужъ ка-
кихъ много»—право уступите-съ! Ну, куда
вамъ эта книга? Даже можно сказать званію
несоотвѣтственно! Самая что ни на есть
дрянь—одно слово: дура книга выходитъ!
упрашиваетъ онъ, передергивая отъ усердной
просьбы и головой и плечами и отряхая пыль
съ вытащенной изъ захолустья книжонки.

— А тебѣ на что она? вѣдь самъ говоришь, что дура книга? возражаете вы.

— Э эхъ! ваше-скародіе, все-то бы это вамъ возраженіе мнѣ какое сдѣлать! А я вамъ скажу такъ: что теперича этотъ самый Поль-де-Кокъ для нашего брата самая подходящая статья, потому лѣтнимъ дѣломъ въ лагери подъ Краснымъ пойдешь — и всю-то эту клубнику господамъ офицерамъ сбудешь. Я вамъ доложу — идешь этта по линейкѣ и не про своей товаръ выкликивасшь, а такъ прямо и кричишь: клубника, молъ, садовая! клубника!

— Ну, и чтожъ?

— Одобрять-съ!... Потому очень уже это имъ смѣшно... острословцемъ называютъ, а барышь съ этого самага товару получаешь важнѣющій... Такъ уступите-съ.

— Да бери, пожалуй, даромъ, коли такъ хочется!

— Даромъ?! — благодѣтель, одно слово благодѣтель!...

И за тѣмъ, отложивъ Поль де-Кока къ сторонкѣ, въ ту же кучку, онъ продолжаетъ пере-

сматривать ваши книги. Въ какія нибудь двадцать — тридцать минутъ вся ваша библіотека уже перерыта, пересмотрѣна и опять уже состоитъ въ надлежащемъ своемъ видѣ и порядкѣ, за исключеніемъ отложенной кучки.

— Ваша милость! что я васъ попрошу!.. будьте отцомъ и благодѣтелемъ, уже я вамъ самъ постараюсь!... заслужу — вѣрьте богу, заслужу!

— Ну, чего еще?

-- Уступите-съ! Эту фразу произноситъ онъ со вздохомъ, разслабленнымъ голосомъ, закрывъ на мгновеніе глаза, которые однако не позабылъ передъ этимъ указательно ско-сить на отложенную кучку.—Теперича что я вамъ скажу: со мною что ни на есть всѣ литераторы знакомы—къ Г—рову и къ Т—неву хаживали, у Аполонъ Николаевича зачастую сиживали, а что теперича это со Щ—ной али съ С—скимъ этимъ—первые друзья и пріатели—безъ чаю и не отпустятъ никогда!—Вѣрно-съ! А что этихъ рукописей да книгъ старопечатныхъ къ нимъ перетаскано!—Си-

ла! И сколькихъ-то я знавалъ, и нѣтъ то ужъ которыхъ; и гдѣ-то они теперь голубчики мои? Друзья вѣдь, всѣ друзья мои были, благопріятели, потому наше дѣло такое, что букинистъ съ литераторомъ поневолѣ другъ. Такъ ужъ, будьте благодарителямъ, уступите-съ! Я вамъ сколько потребуется профѣранцу могу дать... Букинистъ наконецъ до того умасливается и обхаживаетъ васъ, что вамъ становится какъ-то совѣстно, неловко сдѣлать ему положительный и рѣзкій отказъ, хотя и чувствуете, что это самая пройдошная, самая тонкая и продувная бестія. А онъ между тѣмъ не даетъ вамъ одуматься и снова старается разговорить васъ своими сладкими рѣчами.

— Вотъ ежели бы мнѣ теперича достать логику Бавмейстера и житіе Сирина преподабнаго — просто бы никакой фортуны не надо.

— Почему же такъ?

— Цѣну важнѣющію въ двухъ мѣстахъ даютъ. Просили во что ни на есть, а достать бы Бавмейстера то барышку одному тутъ въ

ученіе надо, а Сирина купчихъ Чернохвостовой—смерть любить, чтобы ей житіи разныя читали, а сама сидитъ да слезами разливается. Оченно ужъ это ее пронижаетъ—потому чувствительно, оцять же и страхъ.

А вотъ не знаете ли, судырь, гдѣ бы мнѣ исторію Милота добыть? Въ старыхъ библіотекахъ ей надо бѣ быть, потому она изданіе старое. Мнѣ бы ее вотъ тутъ къ старичку одному почтенному снести—почтенный старикъ, въ почтамтѣ служить и очень старыя книги любить. Какая исторія этта разъ вышла! продолжастъ букинисть, развлекая васъ разговорами, а самъ въ это время полегоньку перевязываетъ бичевкой кучку вашихъ книгъ. Просто чудеса что за исторія—и какъ то ись нашъ братъ книгу любить! Заказываетъ мнѣ этта старичекъ почтамскій книгу добыть, старинную, прозывается: «Познай себя въ естества испытаніи, чеі езъ послѣдователя Трисмегиста Великаго изложенное». Книга осемнадцатаго вѣка, мудрецъ писалъ. Что тутъ мнѣ дѣлать? какъ быть то? а деньги обѣщаль

хорошія— ужь онъ на томъ и стоитъ, что все жалованье свое въ старыя книжки ухлопываетъ. Долго искалъ я книгу-ту, одначе только все ничѣмъ-ничего. Пошелъ въ публичную, чтобы мнѣ тамъ, то-ись, хоша бы глазкомъ однимъ взглянуть кака така она, эфта самая книга по виду есть? Выпросилъ— показали. Гляжу—книга степенная, видно сразу эдакъ, что мудрая книга; на заглавномъ листѣ изображеніе начерчено: древо стоитъ, птица летящая, треугольникъ съ циркуломъ и око. Ну, теперь, молъ, думаю себѣ, ты отъ меня не уйдешь! И точно-сь: высмотрѣлъ я наконецъ такую у Шадрина подъ толкучимъ.— Продай говорю.— «Не продается»; бестія— смекнулъ видно, что большая нужда есть. «Не хочу, говорятъ, съ твоей рожей калитки ѣсть, потому для тебя не продажная, а меньше какъ за триста рублейъ на серебро и думать не моги». Такъ и ушелъ ни съ чѣмъ и долго опосля того ходилъ—тьфу ты, думаю, оканый! хотъ убей—не сдается купчина. И стало мнѣ это такъ нудно, что просто ночи не

сплю, а все о книгѣ думаю, и коли ежели заснуть случится—все ее же и во снѣ-то видишь передъ собою. Вотъ и надумалъ я. Подговорилъ этта мальчонку одного—шустрый такой мальчонка то, какъ есть заноза, одно слово! Деньгами вѣдь подговорилъ. Пошли мы вмѣстѣ на толкунъ—только такъ, словно бы и не знаемъ другъ дружку; онъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Вошелъ этга я въ лавку къ Шадрину, книги тамъ разныя перебираю себѣ, а мальчонка снаружи у прилавка трется, словно картинки разглядываетъ. Вдругъ онъ, какъ только это я ему крякнулъ, цапъ-царапъ съ прилавка книжку какую то, да и бѣжать. Хозяинъ вопилъ, да за нимъ, отымать, значить, вора ловить. А я тѣмъ часомъ Трисмегиста-то въ мѣшечекъ, да заднимъ ходомъ изъ лавки въ другой рядъ такъ и продралъ незамѣтно. А мальчонка бѣжалъ-бѣжалъ (робята-то апраксинскіе знай хохочуть да постаниваютъ кажинный при своемъ), а Шадринъ за нимъ; вдругъ мальчонка какъ обернется, да книгой-то прямо ему въ рыло

такъ и влѣпилъ! Какъ того, значить, ошарашило это самое, онъ, тѣмъ часомъ, не давши ему опомниться, и удралъ. Опосля-то Шадринъ догадался; приходитъ ко мнѣ ругаться—одначе что же съ лена взять? Съ поличнымъ не пойманъ, стало быть и не воръ. Ищи, молъ, ее у меня гдѣ хошь; найдешь чорта съ два (А она у меня въ подполицѣ схоронена)! Только прослышалъ я, робяты собираются—ломку задавать мнѣ. Ну, думаю, ничего. И точно-съ—вѣдь не убили же, какъ сами изволите видѣть, хоша и принялъ на себя оченно много синячищевъ. Да за то за какую же вѣдь и книгу-то претерпѣлъ! Это одно сообразить себѣ надо! Эго у меня самая душевная, самая разлюбимая книга стала. Отъ постороннихъ хороню, дай себя-то тляденьемъ на нее не очень балую; а такъ развѣ въ разсвѣтный часъ встанешь этта тихохонько, откроешь половицу и вынешь ее оттезва; въ тряпицѣ она у меня тамъ завернута. Ну, и гляжу на изображеніе, оченно уже строго это самое око-то смотреть тамъ, ровно бы отъ

божественнаго. Полюбопытствуешь это на нее, походишь, какъ дѣтище свое родное, да и опять подъ половицу. И такъ вѣдь я теперь ее люблю, что — вѣрите ли богу, — жисти скорѣе рѣшусь, чѣмъ съ этою книгой разстаться, — развѣ что послѣ смерти старичку почтамскому (буде переживетъ) по завѣщанію духовному предоставлю. Такъ то-съ. И вѣдь много такихъ то промежъ нашего брата есть, что любятъ книгу не ради барыша да продажи, а такъ, ради самое книги, значить; сами деньги платятъ, сами для себя покупаютъ. И вѣдь разное любятъ. Одинъ все больше на счетъ божественнаго, другой рукописи раскольничьи, третій просто старопечатныя, четвертый все ученыя, что фигуры геометрическія расчерчены да цыфирь разная. Много любителейъ есть. Случается, что крадутъ другъ у дружки и много боевъ изъ за этого самага бываетъ. Такъ то-съ! Такъ что же, ваше-скародіе, уступите книжечки! я ужъ, извините, и бичевочкой связалъ ихъ! Сдѣлайте божескую милость!

Умасленный и ублаженный сладкими рѣчами букиниста, не знаешь, какъ съ нимъ быть; наконецъ вспомнешь, что нужны тебѣ такія да такія-то книги и предлагаешь ему смѣняться. Букинистъ радостно встрепенулся и, поспѣшно вкладывая кипу въ свой мѣшокъ, божится и блянется, завѣряя честию, что не дальше какъ къ вечеру онъ доставитъ требуемыя книги. Но проходитъ вечеръ, а букиниста нѣтъ, проходитъ слѣдующій день, а букиниста нѣтъ, недѣля, мѣсяцъ проходитъ, — а онъ все не является, даже по сей день, словно взялъ да въ воду кануль.

VIII.

ШВЕЙКА.

(въ нѣкоторомъ родѣ идилліи петербургская)

Семь часовъ вечера. Солнце уже бросаетъ косвенные лучи, а на дворѣ все таки парить; жарко. Въ городѣ пыль и духота; съ улицы несетъ смолою и разрытыми ямами, а во дворѣ, изъ подваловъ, поднимаются густыя міазмы квашенной кауусты. Раскаленный камень и духота, пыль и міазмы, казалось бы, способны весь этотъ городъ превратить въ безмолвную, безлюдную пустыню, а между тѣмъ на улицахъ непрерывно раздается грохотъ и суетливо идетъ обычное движеніе. Вотъ—два надворные флигеля большого каменнаго дома. Внизу живутъ мѣдники и столяры, они весь день постукиваютъ да поколачиваютъ

себѣ подѣ samodѣльные звуки разлюбезной пѣсни про то, какъ:

Было дѣло подѣ Полтавой

Подѣ знаменами Петра,

или затягиваютъ «Грунюшку», которая имѣетъ свойство необычайно веселить сердца ихъ. А вотъ, въ четвертомъ этажѣ, почти подѣ чердакомъ, распахнулось небольшое окошко, чья-то бѣлая рука отставила въ сторону горшокъ герани—и на мѣстѣ, которое за минуту занималъ скромный цвѣтокъ, появилась подушка, а на подушкѣ розоватые локти и бѣлыя руки молодой дѣвушки. По лицу замѣтно, что утомилась немного, хочется наглотаться ей свѣжаго воздуха, подышать имъ полною грудью, а тутъ эта духота проклятая да кислятина! Но все таки дѣвушка лежитъ на окошкѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, представляется пріятная возможность любоваться видомъ сосѣднихъ крышъ, трубъ и котовъ, да слушать доносящійся снизу бесплатный концертъ мастеровыхъ, разливисто распѣвающихъ себѣ про «грунюшку и груню», у кото-

рой «только юбка за душой». Вотъ дѣвушка перевѣсилась за окно своею хорошенькой русой головкой и старается заглянуть въ окошко третьяго этажа: не видно ли тамъ когонибудь—но въ третьемъ этажѣ, и именно въ желанномъ-то окошкѣ, никого не видать. Русая головка прячется, но черезъ минуту появляется опять надъ подушкой, и бѣлая рука на длинной ниткѣ спускаетъ комочекъ бумажки, какъ разъ вровень съ окошкомъ третьяго этажа. Бумажка прыгаетъ — словно котенка забавляетъ, а на лицѣ дѣвушки невольно какъ-то пробивается милая, лукаво-смѣшная улыбка. Бумажка сдѣлала свое дѣло: внизу щелкнула задвижка и высунулась курчавая голова, носомъ къ небу, и, окая улыбка свои бѣлые зубы, привѣтно киваетъ вверхъ хорошенькой дѣвушкѣ:

— Здравствуйте, Саша!

— Здравствуйте! Экой вы соня! только спать бы все! шутливо раздается сверху бархатный голосъ съ контральнымъ тембромъ.

— Что это вы бумажку-то дергаете?

— Я чижа вашего дразню. Какъ его здоровье?

— Ничего, слава богу .. Ну, а ваша канарейка что подѣлываетъ?

— Да что ей дѣлается? Трещить себѣ день-деньской да и полно!... Вотъ корму недавно засыпала...

— Вы однѣ? прерываетъ курчавая голова.

— Нѣтъ, не одна, — хозяйка дома.

— Экой чортъ! ..

— Кого это вы тамъ чортыхаете? что такъ больно строго?

— Кого!... извѣстно кого! вашу милую хозяйку.

— Да вамъ-то она что?

— Одно слово - кофейная гуща, вотъ она что!... не люблю я ее.

— Зачѣмъ же такая немилость?

— А за чѣмъ она каждый разъ чортомъ смотритъ, да ворчитъ что-то подъ носъ, какъ къ вамъ посидѣть придешь?

— А вамъ бы небось хотѣлось, чтобъ вашему брату поблажка была, по головкѣ поглаживали, ишь вы какіе! лакомы больно...

Она у меня строгая, нравственная, морали никакой не выносить.

— Вѣдьма! съ шутливой серьезностью вклеиваетъ бурчаваго голова.

— Что жь, это хорошо. Нешто въ ся лѣта легкомысленность имѣть? Это нашей сестрѣ впору, а она—старый человѣкъ. Да вы чего это на нее взѣлсь-то и въ самомъ дѣлѣ? Что вамъ—ко мнѣ хочется, что ли?

— Ну понятная вещь, а вы думали нѣтъ?

— Такъ зачѣмъ дѣло стало? Ступайте!

— А хозяйка опять звѣремъ коситься будетъ?

— Экая бѣда, скажи пожалуйста! Что она намъ, начальство какое, что ли? Деньги съ меня за комнату получаетъ завсегда вѣрно — ну, и конецъ! да вамъ это только такъ мерещится: она и всегда ворчунья, а вѣдь предобрая.

— Знаете что, Саша? Пойдемте погулять! предлагаетъ молодой человѣкъ.

— Гулять? Прекрасное дѣло!... Пойдемте, а то ужъ духота больно одолѣла, съ готов-

ностью и видимымъ удовольствіемъ соглашается Саша. Куда же пойдѣмъ-то мы?

— Не пойдѣмъ, а поѣдѣмъ куда нибудь за городъ, въ зелень...

— Въ зелень?!... Ахъ, какой вы милый! просто разцѣловала бы! радостно вскрикнула она съ улыбкой. А потомъ, какъ вернемся, пойдѣмте ко мнѣ чай пить, — я нынче калачъ въ гостиномъ купила, сообщаетъ она съ самодовольнымъ видомъ домовитой хозяйки.

— Такъ одѣвайтесь же, я жду васъ! кричитъ молодой человѣкъ, пославъ послѣдній кивокъ носомъ въ небо, и черезъ четверть часа миловидная русая дѣвушка, въ сѣренькомъ платьицѣ, въ скромной шляпкѣ и еще болѣе скромной бедуйнкѣ, вся такая свѣжая, молодая, счастливая, граціозною поступью спускается съ узкой и грязной лѣстницы, весело ла-ла-лакая какую-то пѣсню.

—
Плохіе достатки у рабочаго люда, у какой нибудь швси, мелкаго чиновника, бѣднаго студента, мастераваго люда, составляюща-

го истинный пролетаріатъ санктъ-петсбургскій! Какія нибудь пятьдесятъ, семьдесятъ копѣекъ задѣльной платы составляютъ его дневной бюджетъ; дайте ему заработать цѣлковый въ сутки—и онъ уже въ и которомъ родѣ Крезъ. Но и въ этой маленькой жизни и на эти маленькіе гроши — маленькіе люди умѣютъ доставлять себѣ маленькія удовольствія. Все это можетъ быть покажется вамъ очень идилличнымъ и сладенькимъ, мой неидиллическій читатель, но... вѣдь и въ Петербургѣ не безъ буколки — право! и я не даромъ же вѣдь взялся изобразить вамъ маленькую идиллію между двумя оконками третьяго и четвертаго этажей, идиллію съ совершенно мѣстнымъ петербургскимъ колоритомъ.

—

Вьется пыль за колесами дрожекъ и колясокъ по главной Екатерингофской аллеѣ, вьется она и густымъ слоемъ покрываетъ спины бархатныхъ и драповыхъ манто и тульи шаркающихъ шапочекъ петербургскихъ ригольбошей, несущихся побравировать канканными

на въ Екатерингофскомъ «воксалѣ». Ярко
свѣтятся вправо отъ дороги окна этого
воксала и подъѣздъ цвѣтными фонариками
изукрашенъ, а по лѣвой сторонѣ мирно спитъ
петровскій дворецъ и господствуетъ тихій,
прохладный мракъ подъ кущами и навѣсами
столѣтниковъ деревьевъ парка, куда отрывочно
доносится людской говоръ, грохотъ колесъ и
звуки музыки;—тутъ другая музыка: соловьи
по кустамъ надъ водой перекликаются и
дѣла нѣтъ имъ до цвѣтныхъ фонарей, турс-
кихъ барабановъ и шипкарныхъ кадрили.—
Хорошо бываетъ петербургское взморье въ
тихую погоду, хорошо сквозятъ въ водѣ его
опрокинутые очерки береговыхъ деревьевъ
подъ этимъ прозрачнымъ свѣтомъ бѣлой, сѣ-
верной ночи! Устье спитъ, чуть замѣтно ко-
лышась и кой когда плавно унося по тече-
нію бревно или ныряющую корчагу. Каждый
звукъ по водѣ слышнѣе, отчетливѣе, хотя и
тише раздается: и соловьи, и музыка издали,
а еще дальше всплескъ весель, криканье ди-
кой утки, да порою какой то говоръ на да-

ленихъ отмеляхъ, гдѣ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, низко-низко, почти въ самой водѣ, мигаютъ и дрожатъ огоньки: тамъ раки ловятся, да кой какіе дачники съ Волинкиной деревни на всю ночь закатъ и съ рыбу удить.

— Что, Саша, вы, можетъ быть, въ воксаль хотѣли бы?

— Ахъ, подите вы съ вашимъ воксаломъ! невидалъ какая! я рада радешенька, что свѣжестью то надышаться могу, а они въ воксаль!... Ступайте, коли охота!

— Ну его! я только потому спросилъ, что мнѣ показалось....

— Что показалось? что?... Ну-съ! что же вы замолчали? говорите, что тамъ такое показалось вамъ?

— Показалось.. будто вы... извините меня, Саша! будто вы съ завистью на бархатные бурнусы поглядывали.

— Еще бы не глядѣть! Да и въ самомъ дѣлѣ досадно: ты тутъ трудишься, корпишь надъ работой, да едва на обѣдъ хзатаетъ, а тамъ — поди-ка! — шолки да бархаты какіе!...

— Нечего сказать, нашли чему позавидовать! съ оттѣнкомъ легкаго неудовольствія возразилъ молодой человѣкъ.

Саша расхохоталась.

— Ахъ вы! простота! заговорила она, хлопая его по рукѣ сиреневою вѣткой. Неужто-жъ и въ самомъ дѣлѣ завидовать! Захотелишь, такъ этого добра всегда будетъ, да еще и не такого, а изъ аглицкаго магазина—вотъ какъ! А только хорошая дѣвушка никогда себя до этого допускать не должна, потому—соблюдать себя надо.

— Что же вы, замужъ хотите? женихъ вѣрно есть? шутилъ спутникъ Саши.

— Нѣтъ, жениха никакого нѣту; а если бы нашелся хорошій человѣкъ, не пьющій, такъ отчего же не выйти? Да нѣтъ, куда ужъ намъ замужъ, серьезно продолжала она, нынче-то вонъ все съ приданнымъ да съ деньгами ищутъ, а нашей сестрѣ помощи богъ и такъ-то прожить съ человѣкомъ по душѣ, лишь бы по нраву былъ, да не обижалъ бы.

Разговоръ этотъ происходилъ на кормѣ

ялика, который тихо скользилъ вдоль невскаго устья, мимо болотистыхъ отмелей, поддаваемый впередъ мѣрными взмахами весель полусоннаго перевозчика.

— Что, Саша, вы въ Петербургѣ родились? спросилъ молодой человекъ, послѣ минуты раздумчиваго молчанія.

— Нѣтъ, въ деревнѣ. Я съ Волги—саратовская, весело отвѣчала Саша, у насъ хорошо тамъ—лучше чѣмъ здѣсь!

— А сюда какъ же попала?

— А въ ученье привезли—такъ и попала. Вѣдь я господская была; мой отецъ, покойникъ, у нашего барина въ камердинерахъ жилъ, а я за гусями ходила, пока въ горницы не взяли. А тамъ молодая барыня въ Петербургъ уѣхала и меня съ собой взяла, къ мадамъ въ ученье отдала.

— Къ которой это?

— А вотъ въ Морской: мадамъ Фанн, французинка.—Гулящая такая, что и не приведи богъ, въ работѣ тоже не смыслить, а только къ намъ строга была очень, безпр-

мѣрно строга! Вѣдь нашей сестрѣ тоже съ первоначалу-то куды какъ трудно бываетъ въ магазинѣ жить, потому дѣла не дѣлаешь, а взыскиваютъ съ тебя пуще всѣхъ остальныхъ; ты и утюги грѣй, и въ лавочку сбѣгай, и самоваръ поставь, и съ запиской отъ мадамы ступай куда пошлютъ, да ты же еще имъ и горницы убирай, а шитья не даютъ никакого, — надо, говорятъ, сначала приглядку имѣть. А что тычковъ да колотушекъ этихъ переѣдено, что слезъ-то переплакано! Иной разъ, бывало, вся въ синякахъ такъ и ляжешь спать на свою подстилку въ углу. А тутъ, чуть только уснешь — старшія дѣвушки, которыя почуднѣй, водой тебя для смѣху обольютъ. Горе да и только. Мадамъ сама — бьетъ, мастерицы — подзатыльниками кормятъ, товарищи смѣются, сиволапой деревенщиной называютъ, да смѣючись щипками подчуютъ изподтишка... Да, много-таки наша сестра переносить сначала!... Ходишь босикомъ, въ нестираномъ платишкѣ нестрядиномъ, спишь кое какъ на полу въ повалку, — всѣ въ мастер-

ской — духота, просто смерть! Маешься день, маешься ночь, всегда въ проголодь — не то, что въ деревнѣ! — потому мадамъ на французскомъ столѣ насъ держала: габерсуномъ либо горохомъ все больше кормила. Ну, однако привыкла потомъ. Стали работу по немногу давать; сперва только сметывать, потомъ подрубливать, потомъ юбки точать, а тамъ уже за чистую работу посадили — лифа шить, отдѣлку класть, шляпки да чепцы работать — я все это умѣю, все это могу! Я вѣдь куды какая бойкая на работу-то! Ну вотъ, мадамъ, видя такіе мои успѣхи, изъ ученицъ меня младшею мастерицей сдѣлала, а тамъ черезъ два года и старшею стала. Жалованье мнѣ положили — двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ; господамъ одного сброду тридцать въ годъ платила, ну, остальные конечно на себя. Читать и писать сама собою почти, въ магазинѣ-то живучи, выучилась, такъ только кое когда мастерица одна грамотная показывала — она изъ чиновничьихъ дочерей была. Потомъ, вотъ какъ вольная всѣмъ вышла, и я на вольную

квартиру переѣхала—вотъ эту самую комна-
ту и наняла себѣ— шесть цѣлковыхъ въ мѣ-
сяцъ хозяйкѣ плачу, да за столъ восемь—
вотъ и выходитъ четырнадцать, а получаю до
двадцати и даже до двадцати пяти иногда,
какъ случаемъ хорошая работа навернется.
Хожу и къ господамъ работать, и отъ мада-
мы не отстаю и изъ гостиннаго заказы по-
лучаю—вотъ и живу такъ по немножку—да
еще и не одна —звѣрей содержу. зяблика и
канарейку.

— Ну, а сердце? сердце развѣ все время
спокойнымъ оставалось? спросилъ молодой
человѣкъ.

— А вамъ что за дѣло? Ишь, какой вы
любопытный однако, Иванъ Петровичъ! А слы-
хали:—кто много будетъ знать, скоро соста-
вится?

— Да я потому, что вы сегодня въ ударѣ,
всю жизнь свою рассказали мнѣ—такъ я для
полноты и про сердце спросилъ, оправдывал-
ся Иванъ Петровичъ.

— Нашли что спрашивать! право же про-

стота вы, голубчикъ мой, какъ я погляжу. Ужь гдѣ тамъ у нашей сестры спокойнымъ останется!...

— Стало быть, — любили?

— Еще бы не любить! Глупа была я въ тѣ поры, очень глупа... ну, и лучше, красивѣе, чѣмъ теперь-то: глаза какъ двѣ свѣчки горѣли, румянецъ во всю щеку такъ и разливался — только что семнадцатый годъ пошелъ; и сталъ тутъ мимо оконъ нашихъ офицерикъ похаживать, да на меня глазкомъ помигивать. Сначала сердилась — стыдно было, а потомъ ничего — улыбаться начала — любопытно мнѣ это очень казалось. Идетъ, бывало, поклонится — и я поклонюсь сквозь окошко. А наши дѣвушки, надо вамъ сказать, какъ улягутся спать всѣ, а мадамъ въ маскарадъ или въ гости уѣдетъ — такъ и выходили на улицу прогуляться: днемъ-то вѣдь нѣкогда, все за работой — ну, вѣдь намаешься — какъ тутъ не подышать, не прогуляться! Я рѣдко когда ходила, хоть до смерти гулять люблю, а не ходила больше потому, что мужчины къ нашей

сестрѣ очень ужъ пристають и при томъ нахальны, никакого образованія нѣтъ. Вотъ, только разъ возвращается это съ прогулки товарка моя, Таня—бѣдовая дѣвушка была, огонь да и только!—будить меня и суетъ въ руки коробку конфетъ дорогихъ и записку какую-то—«это, говоритъ, отъ него, онъ прислалъ и кланяться тебѣ приказалъ; говорить, что страдать и безъ памяти—влюбленъ въ тебя.»—Вотъ, говорю, пустяки какіе! мнѣ-то что за дѣло, пусть себѣ влюбленъ! А самой-то, дурѣ, лестно эдакое вниманіе и невѣсть что о себѣ возмечтала. На другой, на третій вечеръ, егозитъ вокругъ меня Танька: «пойдемъ да пойдёмъ!»—Отстань ты, говорю, чего я пойду къ нему? глупости только однѣ!—«Да ты, говоритъ, хоть словечко-то скажи ему, хоть минутку одну—вѣдь человѣкъ мучится по тебѣ, страдаетъ». И больно мнѣ это, и жалко-то его, и страшно, и любопытно-то ужъ очень; подъ сердце словно подкапывается тамъ что-то такъ щекотно, словно замираешь вся,—и жутко-то, да и сладко!... А

Таня все «пойдемъ да пойдѣмъ.»—Ну, а я съ дуру-то и пошла... а потомъ ужъ и часто ходила: самое потянуло къ нему...

— Гдѣ же теперь-то онъ? спросилъ молодой человѣкъ. По лицу Саши пробѣжала горько ироническая улыбка.

— Говорилъ, что на Кавказъ служить усылаютъ, продолжала она, что какъ только устроится тамъ, такъ и меня къ себѣ выпишетъ, а самъ на мѣсто того (узнали мы потомъ) въ Рязань уѣхалъ, да на кунчихъ женился. Ну, ужъ и натерзалась же я тогда, и наплакалась, вдосталь наплакалась! А потомъ даже злость на самое на себя взяла: и чего это, думаю себѣ, дура я эдакая плачу? не стоитъ онъ этого, никогда не стоитъ!—И съ той поры—какъ ножомъ отрѣзало! ни одной-то, что называется, росинки не проронила болѣе. Ну, да чего тамъ толковать!—что было — прошло, назадъ не вернется — стало быть и горевать тутъ нечего!... Вѣдь, поди-ба, и всѣ вы такіе то!

Весело шипитъ самоваръ на простомъ рабочемъ столикѣ, въ уютной комнатѣ Саши, а рядомъ два стакана стоятъ и свѣжій калаѣ красуется. Комната эта, сажени двѣ въ длину, да около двухъ въ ширину, не смогря на скромное убожество свое, явно выказываетъ наклонность хозяйки къ пзществу и кой-какому комфорту: стекла и подоконникъ чисто вымыты и диванчикъ съ стариннымъ кресломъ и два стула блистаютъ отсутствіемъ слоевъ пыли, надъ окномъ вздернута чпстая кисейная занавѣска, тутъ же дремлютъ въ своихъ клѣткахъ зябликъ съ канарейкою, а подъ ними герань и левкой зацвѣтають; кровать за ширмами покрыта бѣлымъ тканьевымъ пологомъ; на стѣнѣ двѣ литографіи въ бумажныхъ рамкахъ изъ золоченаго бордюра: одна изображаетъ трогательное прощанье дамы съ кавалеромъ и подпись гласитъ, что это «осенній вечеръ», а на другой нарисована дѣвочка съ котенкомъ и подписано: «*Reveil d'une fille*»; съ другой стороны шкафъ и комодъ, а на немъ маленькій туалетъ съ разными бездѣ-

лушками, въ родѣ бонбоньерки, фарфороваго пѣтушка, гипсовой вербной статуэтки, и вербнаго же розана; тутъ же, конечно, находятся и банка помады, и сткляночка духовъ, а по бокамъ туалетца, съ одной стороны — болванъ въ видѣ женской, очень глупо смотрящей головы для примѣрки чепцовъ и каркасовъ, а съ другой — пучекъ ландышей въ стаканѣ съ водою и нѣсколько книжекъ: Новѣйшій пѣсенникъ модныхъ романсовъ, Таинственный монахъ, Виконтъ де-Бражелонъ, водевиль Азъ и Фертъ и пять и шесть тетрадокъ Вазы, Сѣвернаго цвѣтка и Моднаго магазина. Вся эта комнатка, не смотря на свой невысокій потолокъ и небольшое окошко, смотритъ какъ-то свѣтло, чисто, весело и производитъ мирное, хорошее впечатлѣнiе на душу. Въ ней живетъ честная, молодая да трудящаяся и потому безпечальная и беззаботная нужда. Въ ней и хорошо работается, и хорошо поется, не смотря порою на голодъ съ холодомъ и многоразличные недостатки.

— Чья это карточка у васъ, Саша, за зеркаломъ воткнута?

— Его.... чья же больше? откликается Саша. А что, красивъ? нравится?

— Да, ничего-себѣ, молодець-мужчина.

— Это онъ подарилъ...

На карточкѣ изображенъ завитой господинъ съ усами, вытянутыми въ струнку посредствомъ венгерской помады, и съ фizioноміей обыденно-пошлой, но красивой.

— Онъ мнѣ и стихи даже писалъ, право! съ улыбкой прибавляетъ Саша.

— А, даже и стихи? Такъ онъ и поэтъ у васъ былъ?

— А вы не вѣрите? какъ же, стихи!.. Хотите, покажу?

— Покажите, это интересно.

И Саша изъ туалетнаго ящичка вынула засаленный листокъ почтовой бумаги, на которомъ четкою рукою написано было: «грусть по прекрасной» и за тѣмъ слѣдовали самые стихи:

Зачѣмъ, зачѣмъ меня терзаешь,

Зачѣмъ привязываешься ко мнѣ,

Неужели ты не знаешь,
Что я въ дальней сторонѣ?
Я убить и такъ судьбою,
Я внѣ родины живу;
Неужели я съ тобою
Въ крайней дружбѣ заживу?
Меня спросили: «что горюшь?
О чемъ всегда ты слезы льешь?
И самъ себя ты не ратуешь,
А только съ горя вина пьешь?»
Какъ иногда бываетъ грустно,
Когда подумаешь, что одинъ,
Вспомня и твердя изустно,
Что я, поэтъ и Руси сынъ,
Тобою, идеаломъ, не любимъ!
Но при себѣ у меня нѣтъ подруги,
Нѣтъ ни матери ни отца,
Мнѣ не съ кѣмъ молвить на досугъ
Задушевнаго словца...
А потому для забвенья
Иногда вздумаешь испытъ
Винъ житейскаго наслажденья,
Чтобы мечты всѣ позабыть!
Увы! увy! увy!!!!

За симъ слѣдовала приписка такого рода:
«Стихи эти собственно для васъ сочинялъ
подпоручикъ поэтъ Иванъ Цыфровъ.»

— Что, правится? съ мило самодовольною улыбкой спрашивала Саша.

— Отмѣнно!... только знаете ли что? разорвите-ка вы ихъ лучше, да сожгите на свѣчкѣ!

— Вотъ еще выдумали! зачѣмъ это?... ни за что не сожгу!... ни за что! ни за какія деньги!

— Значитъ, вы еще его любите?

— Нѣтъ, теперь не люблю; потому какъ онъ такъ поступилъ противъ меня, можно сказать неблагородно, такъ кромѣ презрѣнія ничего онъ не стоитъ...

— Стало быть—зачѣмъ же беречь-то?...

— Все жъ таки память, что любила когда-то... Вѣдь вотъ только карточка да стихи эти и остались... А кстати, Иванъ Петровичъ, быстро прибавила Саша, что это вы до сихъ поръ не дадите мнѣ своей карточки. Слава богу, сколько времени знакомы, друзьями почитаемся, чай вмѣстѣ пьемъ, вмѣстѣ гулять ходимъ, а карточки своей не дали; это даже довольно стыдно съ вашей стороны, право!

— Зачѣмъ вамъ моя карточка! вѣдь вонъ— у васъ есть одна.

— Такъ что жь? сказала улыбнувшись дѣвушка и пристально вглядываясь въ него. Эге, да вы никакъ ревнуете... Вотъ мило-то! засмѣялась она.

— Я не хочу, чтобъ моя рядомъ съ нимъ стояла—вѣдь сами же говорите, что презираете его?

— Ну, коли вамъ такъ хочется, мы его разжалуемъ! и весело вскочила она съ мѣста и перевернула карточку на изнанку—лицомъ къ зеркалу. Теперь дадите?

— Да вѣдь это хорошо имѣть карточку того, кого любишь, отшучивался молодой человекъ, а вѣдь вы...

— Что я? думаете не люблю? подхватила Саша, нѣтъ съ, извините, люблю! .. вы такой добрый и .. Дѣвушка загнулась и покраснѣла.

— «И?»... что же «и?»... Ну, ну, договаривайте, не краснѣйте! смѣючись приставаешь тотъ, говорите, что это за «и?»

— Что «и»?... чего пристали?... ничего! вотъ вамъ!

— А зачѣмъ же вы запнулись, да покраснѣли такъ?

— Я? вотъ глупости какія! и не воображала.

А сама краснѣетъ еще болѣе.

— Нѣтъ, вы договаривайте! коли забыли, такъ я подскажу вамъ: вы меня любите за то, что я такой добрый «и»...

— Ну, и хорошенъкій! вотъ же вамъ, коли хотѣли знать! И она вспрыгнула съ дивана и быстро потупясь отошла къ окну, откуда простирался видъ на сосѣднія крыши и трубы.

Минута молчанія, — только видно, какъ молодое глаза у обоихъ горятъ удовольствіемъ, да слышно, какъ, неровно и перерывчато захватываясь, дышутъ изъ груди.

Молодой человѣкъ тихо подошелъ къ Сашѣ и поцѣловалъ ее въ шею. Та вздрогнула и отшатнулась отъ окошка.

— Ай, что это вы Иванъ Петровичъ! дерз-

кой какой! какъ это вамъ не стыдно! сверкнула она на него полуиспуганными, полусмѣющимися глазами. Тотъ сконфузился.

— Простите, Саша... это я такъ... право же такъ только, бормоталъ онъ, стоя передъ нею. Не сердитесь на меня.... Вы сердитесь?

Дѣвушка молчала, снова отвернувшись къ окну.

— Саша, вы сердитесь?... Никогда больше не буду, — повторялъ молодой человѣкъ, простите меня.

— Ахъ, какой вы чудакъ! обернулась она къ нему съ смущенной улыбкой. Ну, чего пристали? ужъ кабы сердилась, такъ давно бы прогнала отъ себя, — а то — сами видите....

— Стало быть, въ знакъ примиренія можно?...

— Что можно?...

— Поцѣловать.... тихо и робко выговорилъ молодой человѣкъ. Отвѣта не было.

— Можно? еще тише повторилъ онъ.

Дѣвушка ласково улыбнулась и изподтишка лукаво вскинула на него глазомъ.

—

А въ сущности, все таки трудна и очень шатка жизнь петербургской швейки. Хорошо ей, если этотъ Иванъ Петровичъ въ самомъ дѣлѣ порядочный человѣкъ и станетъ любить ее—тогда она весело станетъ работать и пѣть, зная, что ему помогаетъ, зная, что онъ любить и холить ее, и бодро будетъ бороться она съ вѣчною нуждою, стараясь извертываться и проплывать между этой Сциалой и Харибдой. А если Иванъ Петровичъ окажется чѣмъ нибудь инымъ, пошалить, пожупруеть да и бросить ее въ одинъ прекрасный день, въ родѣ подпоручика Цыфрова—тогда что?

Тогда.... тогда, обманутая второй разъ въ такомъ добромъ и довѣрчивомъ чувствѣ, она, быть можетъ съ горькой улыбкой, задавить въ себѣ это чувство и беззавѣтно махнетъ на все рукою. Быть можетъ надоѣстъ ей наконецъ эта вѣчная нужда съ упорнымъ корпѣньемъ надъ работою, надоѣстъ ея шерстяное платье и бѣдная бедуинка; съ завистью и досадою взглянетъ она на такъ

легко достающіяся бархатныя манто и иные наряды, которые теперь сама же она производитъ на свѣтъ за такую скудную плату, взглянетъ она на все это, да и на свою-то жизнь неприглядную—и покончить съ нею разъ навсегда въ какомъ-нибудь ефремовскомъ танцклассѣ, гдѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, много два—и «вся сія къ ней приложится.»

IX.

ЭМАНСИПИРОВАННАЯ БАРЫНЯ.

(Изъ записокъ покойнаго студента)

1857 г.

Студентъ на первомъ курсѣ не можетъ быть не влюбленъ.

И я былъ тоже влюбленъ...

Мальчикамъ моихъ лѣтъ обыкновенно нравятся сильно пожившія на своемъ вѣку женщины, лѣтъ тридцати-трехъ или тридцати-пяти, дебѣлыя, масти карой, или преимущественно вороной, породистыя и, разумѣется, эмансипированныя; равно какъ имъ, въ свою очередь, нравятся, по преимуществу, слиш-

комъ юные, розовые, хорошенькіе и здоровые мальчики...

Я въ то время былъ еще глупо-красивъ: щеки у меня были пошло-румянаго оттѣнка; глаза, при видѣ подобныхъ барынь, свѣтились какъ у молодаго котенка надъ запретнымъ саломъ, и грудь еще не болѣла...

Мы почти съ первой же встрѣчи поняли другъ друга.

Почерпнула она меня въ одномъ изъ домовъ, куда я изрѣдка хаживалъ вмѣстѣ съ однимъ моимъ добрымъ знакомымъ.

Эмансипированной барынѣ вороной масти понравилась прежде всего моя наивная застѣнчивость, соединенная съ первокурснической юностью и свѣжестью. Когда она, увидя меня, сама подошла ко мнѣ съ тѣмъ видомъ и съ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обыкновенно подходятъ эмансипированныя тридцати-пятилѣтнія барыни, — я смутился и покраснѣлъ до ушей, какъ ребенокъ... Помнится, болѣе всего смутилъ и заставилъ покраснѣть меня снисходительно-нахальный и

въ тоже время нѣжный взоръ ся, въ которомъ безмолвно выражалось многое, не совсѣмъ-то удобно-выражаемое въ печати. Это-то барынѣ и понравилось.

Она тутъ же, протянувъ мнѣ руку, сказала, что я милый ребенокъ, что меня еще развѣивать надо и что поэтому она беретъ меня подъ свое покровительство.

— Отнынѣ вы—мой другъ, мой молодой другъ, вы мой сынъ... Хотите, чтобы я была вашей матерью? мнѣ можно: вѣдь я ужъ совсѣмъ старуха! говорила она, усаживая меня подлѣ себя на мягкую софу и закуривая папироску.

Я чувствовалъ, что былъ неизмѣримо глупъ въ то время, и потому покраснѣлъ еще болѣе, и съ ожесточеніемъ принялся курить свою сигару.

Барыня засмѣялась.

— Какой вы наивный! произнесла она тѣмъ-же тономъ, какое вы дитя! совсѣмъ дитя еще!... зачѣмъ вы краснѣете? передъ матерью краснѣть не слѣдуетъ... Впрочемъ, это ниче

го: это мнѣ нравится—я люблю такихъ наивныхъ дѣтей!.. Только зачѣмъ вы сигары курите?

— Да такъ, привыкъ къ нимъ, отвѣтилъ я, приходя въ нормальное состояніе духа.

— Привыкъ?! да вамъ сколько лѣтъ? развѣ дѣти привыкаютъ къ такимъ вещамъ?... А! понимаю; это все большимъ вазаться хочется!

Я покраснѣлъ еще болѣе прежняго.

—Какой вы счастливый! произнесла она съ нѣсколько томнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, вы еще краснѣть можете, а я ужь нѣтъ!... Научите меня краснѣть! какъ это вы дѣлаете? Къ вамъ это очень идетъ, право... Ну, и такъ, я ваша мать, а вы мой сынъ, не правда ли? заключила она, глядя на меня тѣмъ же взоромъ, въ которомъ выражалось много неудобовыражаемаго; любите-же меня, какъ мать! дайте вашу руку...

Я протянулъ ей руку...

Только ужь будьте со мною и откровенны, какъ съ матерью, продолжала она, не выпуская моей руки, я вамъ приказываю—слыши-

те-ли? приказываю: посѣщать меня ежедневно.—Мужа ноего большею частію не бываетъ дома: утромъ онъ на службѣ, а вечеромъ въ клубѣ: приходите завтра вечеромъ, часовъ въ восемь; вѣдь вы дитя, вы свѣта еще не знаете, жизни не знаете; а я старуха, я ужь отжила свое; поэтому васъ учить, развивать васъ надобно!.. И такъ, à demain, n'est-ce pas? заключила она, и въ послѣдній разъ крѣпко сжала мою руку.

Въ это время подошелъ къ ней солиднаго вида господинъ съ неисчерпаемою глубиной сонливости на своей индифферентной фیزیономіи.

— Ah, à propos! заговорила барыня, позвольте васъ познакомить: мой мужъ... М-г Чебановъ, мой новый добрый знакомый... сказала она, обратившись къ мужу.

Господинъ съ достоинствомъ протянулъ мнѣ руку и изобразилъ на лицѣ своемъ сонливую улыбку.

Къ барынѣ подошла другая барыня и онѣ удалились.

Я остался съ мужемъ.

— Очень радъ, очень радъ, заговорилъ онъ, не переставая улыбаться, что вы познакомились съ моею женой! Вы найдете въ ней умную, просвѣщенную и эмансипированную женщину... Я вамъ скажу, не хвалясь, что въ настоящее время для Россіи, въ нашу эпоху, да кабы намъ побольше такихъ женщинъ, такъ вы посмотрѣли бы, какой переворотъ совершился бы въ обществѣ, какъ бы оно впередъ пошло!.. Вы не думайте, что я въ этомъ отношеніи говорю, какъ мужъ: о, нѣтъ! я смотрю хладнокровными, посторонними глазами, и поэтому говорю вамъ такъ; но какъ мужъ... вы понимаете: вы понимаете, какъ я долженъ гордиться; я умалчиваю объ этомъ... Это современная женщина!.. Теперь всѣ люди прогресса стоятъ за эмансипацію женщинъ; конечно, я въ числѣ ихъ, потому что я человѣкъ вѣка — и этимъ, должно сознаться, обязанъ ей одной, я тоже стою за эмансипацію женщинъ; надѣюсь, что и вы, какъ человѣкъ, такъ сказать, науки, — не

отстаєте отъ вѣка и тоже стоите за эмансипацію?...

Я молча поклонился.

— Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно! промямлилъ господинъ, пожимая мнѣ руку; это дѣлаетъ вамъ честь, стойте, стойте за эмансипацію женщинъ! . Вотъ, вы объ этомъ много будете съ женой говорить; вы посмотрите, какъ она говоритъ объ этихъ предметахъ... Ну, такъ вы понимаете, какъ долженъ гордиться я; въ наше время, когда всѣ сознаютъ необходимость и недостатокъ такихъ женщинъ, а у меня жена... вы не думайте, я не въ похвалу себѣ говорю... но вы увидите сами....

Я опять поклонился.

— Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно! заговорилъ онъ, снова пожимая мнѣ руку, я вижу, вы сочувствуете, вы понимаете меня, я это вижу... Позвольте васъ просить къ себѣ, я, видите ли, рѣдко бываю дома: утромъ служба, а вечеромъ клубъ, но тѣмъ не менѣе бываю иногда и дома; вы найдете

у меня нѣсколько достойныхъ людей. При этомъ господинъ какъ то особенно многозначительно приподнялъ бровь и мигнулъ правымъ глазомъ. Одинъ изъ нихъ князь Сѣродавлевъ (либераль, я вамъ скажу), притомъ, люди все *très comme il faut*... Я люблю иногда потолковать обо всѣхъ этихъ вопросахъ, развить, такъ сказать... И такъ, я надѣюсь, вы у меня будете? заключилъ онъ, снова беря меня за руку.

Я обѣщалъ быть непременно.

Передъ отѣздомъ, барыня, глядя на меня многозначительнымъ взоромъ и крѣпко пожимая руку, повторила, что ждетъ меня завтра въ восемь часовъ непременно.

—

На другой день, въ восемь часовъ вечера, барыня была окружена неизмѣримо пошлой обстановкой, какой обыкновенно окружаютъ себя въ подобныхъ случаяхъ эмансипированныя барыни: спущенныя гардины, слабо искрящійся каминъ, лампа подъ темнымъ абажуромъ, таинственный, синеватый полусвѣтъ въ

комнатъ, чуть-чуть раздражительно-благово-
нный воздухъ, легкій, кокетливый пенуаръ,
небрежно-кокетливая прическа и два густые,
пышные локона по бѣлымъ дебѣлымъ пле-
чамъ, томный взглядъ, полулежащая поза,
больше чѣмъ бы слѣдовало, выставленная
изъ подъ платья нога, обутая въ легкую
изящную туфлю. Признаюсь, мнѣ все это ка-
залось въ высшей степени обаятельнымъ,
поэтичнымъ и романтическимъ...

— Ah! vous voilà, mon fils, mon enfant!
тихо проговорила она лѣниво томнымъ, какъ
бы больнымъ голосомъ, протягивая мнѣ руку,
когда я, неслышно, по мягкимъ коврамъ
вошелъ въ ея комнату.

— Что съ вами? спросилъ я нѣсколько
смущеннымъ голосомъ.

— Больна... нервы... Если бы вы могли
приложить вашу руку къ груди, такъ увидѣ-
ли бы, какъ бьется мое сердце.

Барыня хотѣла ужъ было взять мою руку
и приложить ее къ своей дебѣлой груди, да
видно разочла, что это ужъ будетъ черезъ

чуръ съ ся стороны, и потому ограничилась только словеснымъ заявленіемъ своего сердцебіенія.

Между тѣмъ, таинственный полусвѣтъ и раздражительно тонкой ароматъ воздуха этой комнаты начинали такъ дѣйствовать ужъ на мои первы...

— Вирочемъ, это ничего, это пройдетъ, прибавила барыня, томно закидывая назадъ свою голову; садитесь здѣсь, ближе ко мнѣ; такъ намъ будетъ уютнѣе... Ну, курите вашу сигару, да и мнѣ за одно зажгите папироску...

Барыня томничала и нервозничала только въ началѣ; не болѣе какъ черезъ часъ она уже ораторствовала о судьбѣ женщинъ въ Россіи.

— Бѣдныя женщины! разглагольствовала она, но всѣхъ несчастнѣе, — это мы, русскія женщины! За что обречены мы на вѣчное рабство одному человѣку, мужу, который часто является деспотомъ! Скажите — вы пылкій, вы неиспорченный еще человѣкъ — есть

ли возможность для женщины умной, развитой, эмансипированной, любить не человека, а автомата, машину, лишенную всего возвышеннаго, благороднаго!.. И замѣтьте: принадлежать человѣку стараго поколѣнія!.. О, *mon Dieu! c'est affreux! c'est affreux!*.. Въ древней Греціи умная, образованная женщина дѣлалась общественнымъ достоинствомъ; ею гордились, ей поклонялись, а у насъ! Мы должны гибнуть—гибнуть и страдать!... Но нѣтъ, та не женщина, которая не имѣетъ настолько силы, чтобы вырваться изъ подъ этого гнета! Я готова всей своею жизнію доказывать это, и докажу! Мы должны быть эмансипированными женщинами; мы, эмансипированныя женщины, должны подавать собою примѣръ всему обществу и вести его... Вы еще—молодой человѣкъ, *mon cher enfant!* вы принадлежите къ молодому поколѣнію, а оно должно намъ сочувствовать и понимать насъ... Скажу болѣе: оно должно вырывать насъ, бѣдныхъ женщинъ, изъ когтей тирановъ, съ которыми мы живемъ. Вы поци-

маете меня!?. Но скажите, *mon bon enfant*, любили ли вы когда нибудь?.. Нѣтъ?.. О, полюбите, полюбите! вы еще такъ молоды, вамъ надо, *надо* любить; но вамъ, разумѣется, нельзя удовлетвориться любовью всякой встрѣчной женщины: вы умны, вамъ надо полюбить женщину исключительную, натуру тонко развитую, которая бы васъ поднимала до себя, женщину, которая бы даже была старше васъ, и ввела бы васъ въ жизнь, тонко и изящно показала бы вамъ ея сокровенныя тайны, окончательно бы развила васъ, возвысила васъ до себя!.. Вотъ какую женщину полюбите вамъ надо! Я говорю вамъ это какъ сыну, какъ добрая мать!..

И долго еще говорила барыня, все въ этомъ же родѣ, а потомъ старалась подстрекать меня на *пикантные* разговоры; наконецъ подошла къ роялино и стала, съ лукавою вибраціею въ голосѣ, пѣть разныя французскія пѣсни, не менѣе игриво — пикантнаго свойства, и все это перемѣшивала рассказами про *bal Mabille* и студентскій *Closerie de*

Lilas. Она, какъ россійская, эмансипированная барыня, разумѣется, не могла не побывать въ Парижѣ и тѣмъ болѣе—не изучить его достопримѣчательностей.

Раздался звонокъ. Черезъ минуту вошелъ-мужъ.

— Что такъ рано? спросила барыня нѣсколько недовольнымъ тономъ.

— Да игра поразстроилась: баронъ не пріѣхалъ; ну, а ужъ безъ него какъ-то и не ловко, да и князь Сѣродавлевъ съ кѣмъ нибудь вѣдь не сядетъ же играть, отвѣтствовалъ супругъ оправдательнымъ тономъ и привѣтливо протянулъ мнѣ руку.

Я замѣтилъ вскорѣ, что супругъ находится подъ башмакомъ у супруги и прекословить ей не осмѣливается ни въ чемъ: кого назвала она своимъ добрымъ знакомымъ, тотъ становился для него, въ нѣкоторомъ родѣ, лицомъ неприкосновеннымъ, и ужъ онъ считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ быть милымъ, любезнымъ и даже угождать избранному ею другу.

Разговоръ опять натолкнулся на любимый конекъ дебѣлой барыни — эмансипацію женщинъ. Супругъ старался поддакивать супругѣ, не подозрѣвая, что барыня бьетъ и немилосердо колетъ его въ образѣ всѣхъ мужей, и наконецъ пустился самъ «развивать».

— И я говорю тоже! всегда, постоянно говорю тоже! Мы еще варвары, мямлилъ онъ себѣ подъ носъ, стараясь говорить внушительно и съ убѣжденіемъ:—какое право имѣемъ мы на преобладаніе надъ умной, развитой женщиной? Это, *pardon pour le mot!* не Матрена какая нибудь!.. Это женщина!.. И я говорю, душечка, тоже, и молодой человѣкъ, надѣюсь, тоже согласенъ съ этимъ... Я за эмансипацію женщинъ! Эмансипація женщинъ, прогресъ—вотъ наши современные двигатели! *n'est-ce pas?* заключилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я, по обыкновенію, кивнулъ головой. Мнѣ было безотчетно жалко этого попугая.

Барыня зачѣмъ-то вышла изъ комнаты.

— Вѣдь вотъ удивительно умная женщи-

на! обратился ко мнѣ супругъ, когда ее не было, съ нѣсколько оправдательнымъ тономъ;— она, конечно, за эмансипацію, за полную свободу женщины, даже за ея государственное назначеніе, и я поощряю въ ней это, потому что она, въ тоже самое время, самая примѣрная и самая вѣрнѣйшая въ мірѣ жена; но говорить такимъ образомъ ради принципа, ради одного только принципа! Принципъ великое дѣло!... И такъ, она любитъ меня, какъ она умѣетъ любить!.. Да вы вотъ сами увидите!.. *Dieu merci*, я совершенно счастливъ въ своей семейной жизни, совершенно... А вѣдь правду-то говоря, мы, мужья, деспоты, тираны, заставляемъ женщинъ гибнуть и страдать! А есть ли для женщины возможность жить съ человѣкомъ стараго поколѣнія, отсталаго образа мыслей?... *Grâce à Dieu*, я принадлежу къ новому, молодому поколѣнію—и это служитъ залогомъ моего семейнаго счастья...

Вошла жена и сдѣлала мужу глазами пригласительный знакъ удалиться. Тиранъ и деспотъ смѣшался, съежился и, объявивъ, что

ему надо еще признаться дѣлами, попросилъ извиненія и немедленно удалился.

Я тоже, вскорѣ послѣ него, сталъ откланиваться.

— Но куда же вы, куда же?! заговорила барыня: такъ рано, а вы ужъ покидаете вашу мать... А я хотѣла было о многомъ еще поговорить съ вами... Намъ нѣсколько помѣшали, но это ничего, увѣряю васъ!.. Но вы неумолимы... ну, такъ до завтра!... Приѣзжайте же непременно: мы будемъ одни...

Все время до слѣдующаго вечера я провелъ словно въ чадѣ: я никакъ не могъ порядочно сообразиться мыслями со всѣмъ видѣннымъ мною вчера; мнѣ все это казалось дико и ново; этотъ супругъ, стоящій за эмансипацію женщинъ; барыня, толкующая о судьбахъ человѣчества и *bal Mabile*, взгляды ея, пожатія руки, слова—да чего же ей наконецъ надо отъ меня?.. Для чего же онъ, толкуя все о князѣ Сѣродавлевѣ, да о баронѣ, какъ будто заискиваетъ, въ то же время, и у меня?.. Однако, вечеромъ, я какъ-то без-

отчетно одѣлся изящнѣе (въ незамѣтныхъ мелочахъ одежды); даже цвѣтъ лица и прическу осмотрѣлъ въ зеркало, и торопливо поѣхалъ къ эмансипированной барынѣ.

Барыня была одна, и на этотъ разъ не въ гостиной, а въ своемъ маленькомъ будуарѣ. Обстановка совершенно напоминала вчерашнюю. Я почувствовалъ легкое сердцебіеніе, при входѣ въ эту комнату: мнѣ приходилось въ первый разъ еще вступать въ «будуаръ» женщины.

Барыня на этотъ разъ не томничала, а легкою гризеткою кинулась на встрѣчу, подбѣжала ко мнѣ до послѣдней степени близко и крѣпко стиснула мои руки. Воротъ ея пеньюара былъ отстегнуть и позволялъ видѣть часть ея бѣлой, полной шеи и груди; но барыня, казалось, этого не хотѣла замѣтить.

— А! наконецъ-то вы!... закричала она, не отходя отъ меня и стараясь держаться какъ можно граціознѣе, а я-то васъ ждала-ждала. просто, терпѣніе потеряла!.. Ну, сегодня ужь такъ скоро я не выпущу васъ отъ себя..;

Мы останемся съ вами одни, мы будемъ долго, долго и о многомъ говорить съ вами!.. А какихъ я для васъ конфектъ приготовила, вѣдь вы дитя еще, вы должны любить лакомства... А какъ мы сегодня поужинаемъ съ вами!... Мы будемъ ужинать здѣсь, вдвоемъ, потому что мужъ нынче въ клубѣ, онъ тамъ очень долго останется... Видите-ли, какъ ваша мать любить васъ, какъ она заботится о васъ! а вы, вы, тоже любите мать вашу?

— Мать нельзя не любить.

— Oui, c'est vrai, mon enfant, а вы — вы непочтительный сынъ!

— Я? . какъ такъ? почему?

— Я вамъ сейчасъ это скажу. Развѣ такъ встрѣчаютъ мать свою? развѣ съ нею ограничиваются однимъ вѣжливымъ пожатіемъ руки?.. Сыновнее чувство требуетъ другаго..

— Чего же? спросилъ я.

— А вотъ чего! отвѣтила барыня съ лукавою улыбкою, и громко поцѣловала меня въ самую губу. Теперь понимаете? спросила она, нимало не сконфузясь.

— Понимаю.

— Ну, такъ я приказываю вамъ каждый разъ поступать точно также; а не то, буду васъ наказывать: на колѣнки поставлю...

— Слушаю! И супруга вашего, какъ папеньку, тоже прикажете цѣловать?..

— О, да вы злой, какъ я погляжу!.. Ха, ха, ха!.. нѣтъ, супругъ мой вамъ не папенька; вы не обязаны ему сыновнимъ почтениемъ... Да вы забудьте о немъ!.. Вы милое дитя!.. Знаете, что я замѣчаю? вы сегодня даже лучше, красивѣе чѣмъ вчера! къ вамъ идетъ эта прическа и глаза у васъ славные, — горячіе глаза!.. Жаль только, губы не умѣютъ цѣловаться...

— Нѣтъ, умѣютъ! отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ задоромъ.

— Ну, я погляжу... Умѣете вы польку танцовать?

— Умѣю.

— А ну, пройдемте со мною!.. Ступайте!

— Да здѣсь негдѣ; мѣста мало и коверъ къ тому же...

— Безъ отговорокъ! вы должны меня во всемъ слушаться! давайте же вашу руку!.. Ну, обнимите меня за талію... Allons! Тра-ля-ля, тра-ля-ля, и т. д.

Барыня пошла со мной польку. Танцовала она, сохраняя манеру парижскихъ гризетокъ. Наконецъ, мы запнулись за коверъ и упали на мягкій диванъ. У барыни скатился съ правой руки легкій кисейный рукавичекъ.

— Ахъ, помогите мнѣ, я сама завязать не съумѣю, сказала она, обнаживъ до плеча свою бѣлую руку: стяните мнѣ рукавичекъ вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ.

Электрическая искра мгновенно пробѣжала по моему тѣлу, какъ только рука коснулась ея полного, хорошаго локтя.

Барыня лукаво замѣтила это.

— Мерсі, проговорила она, за эту услугу вотъ вамъ и награда! давайте сюда ваши губы: я погляжу теперь, умѣютъ ли онѣ цѣловаться .. Къ концу этого вечера, я уже совершенно понялъ свою роль...

На другое утро, послѣ безсонной ночи, показалось мнѣ, что я влюбленъ неистовѣйшимъ образомъ.

Но все таки въ то время я былъ мальчишка, и притомъ розово-глупый мальчишка, и притомъ еще болтунъ-мальчишка. Въ девять часовъ я всталъ съ постели, а въ десять ужъ болталъ всѣмъ и каждому о томъ, что я влюбленъ, и даже (о, подлость!) рассказывалъ въ изукрашенныхъ подробностяхъ интимныя событія вчерашняго вечера, рисуясь и драпируясь самымъ наивнѣйшимъ образомъ въ демоническій плащъ обольстителя.

Она, между тѣмъ, ничего не подозрѣвала и кормила меня конфектами, но я вообразилъ себѣ, что влюбленнымъ нельзя не плакать и не страдать и не мечтать, и потому старался какъ можно лучше и добросовѣстнѣе страдать передъ нею, словно служебный долгъ исполнять, а ей столько же до моего страданія было дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Къ довершенію же всѣхъ моихъ без-

образій — я началъ идеальничать: принесъ Шиллера, и, помѣстясь на полу, у ея ногъ, принялся читать ей вслухъ его баллады, — но эмансипированная барыня, безъ церемоніи, стала зѣвать и вскорѣ заснула безмятежнымъ сномъ невинности, хоть это и было довольно таки трудно, для слабонервной женщины, при моей неистовой декламаціи.

Однажды пріѣзжаю я къ эмансипированной барынѣ (мужа, по обыкновенію, нѣтъ дома), а у нея спдитъ одинъ свѣженькій, розовый молодой офицерикъ и, закатывая подъ лобъ масляные глазки, читаетъ стихи. Барыня, сколько помнится, никогда не чувствовала особеннаго вожделѣнія къ поэзіи; а тутъ, гляжу, такъ и разливается въ похвалахъ стихамъ; толкуетъ, что для нея поэзія — все; что она рождена для вдохновенія и поэзіи; что она помнитъ, какъ въ прежніе годы, на Черной рѣчкѣ, жилъ одинъ поэтъ, когда и она тамъ жила съ мужемъ, и что онъ задавалъ ей серпады, и писалъ на нее поэмы, гдѣ она являлась то идеаломъ, то демономъ-оболь-

стителемъ, и какъ она бродила съ нимъ по рощамъ, а въ рощахъ соловьи пѣли; потомъ какъ она была на кладбищѣ (на какомъ именно не упоминалось) и каталась съ нимъ, съ поэтомъ, по рѣкѣ, и луна свѣтила на небѣ, но наконецъ поэтъ взялъ да и застрѣлся, а отчего — неизвѣстно... только на груди его нашли одно стихотвореніе: «Прости», которое потомъ было напечатано въ Библіотекѣ для чтенія, Сеньковскаго...

Розовый молодой офицерикъ ахалъ, восторгался, глазки его умаслялись еще болѣе, и онъ находилъ, что это прелестный сюжетъ для романтической поэмы.

Барыня рекомендовала мнѣ его какъ поэта, который даже фуроръ производитъ въ публикѣ своими произведеніями...

— Вы ужь печатались? спросилъ я у поэта.

— Какъ же, какъ же? отвѣтила за него моя барыня: въ журналахъ печатается... во всѣхъ журналахъ!...

— Я, видите ли, не вхожу самъ въ этотъ

міръ, въ эти журнальнныя дразги, съ достоинствомъ по хватилъ молодой челоуѣкъ, придавая своей фізіономіи и тону голоса небрежный оттѣнокъ, а я такъ иногда .. если пріѣдетъ ко мнѣ кто нибудь изъ редакторовъ, да попросить какое нибудь стихотвореніе, такъ я и отдамъ.... Ну, да впрочемъ, они хорошо платятъ, такъ это не грѣхъ..

— По тридцати и по пятидесяти рублей за стихотвореніе платятъ и даже больше! съ гордостью и торжествомъ замѣтила барыня.

— Вы, вѣроятно, подъ псевдонимомъ печатаете свои вещи? спросилъ я.

— То есть, — какъ вамъ сказать? промолвилъ поэтъ, принимая небрежный тонъ: это у меня какъ случится.... больше все подъ своимъ именемъ....

— До сихъ поръ еще не знакомъ съ вашею музою, замѣтилъ я въ скобкахъ.

— Вы вѣрно журналовъ не читаете? — недовольнымъ голосомъ отвѣтила на это дама.

— Нѣтъ, — я читаю постоянно, даже иногда перевожу статьи въ эти журналы.

Молодой офицерикъ чутко сконфузился при этомъ извѣстїи.

— Я... видите ли, скороговоркою заговорилъ оцъ, видимо стараясь поправиться:— я въ этомъ отношенїи довольно несчастенъ: пишу-то я все такія вещи... цензура никакъ не пропускаетъ... современности и либерализму много!... Но впрочемъ, недавно я отдалъ одно стихотворенїе; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ будетъ помѣщено... мнѣ обѣщали...

Дама поспѣшила переменить разговоръ, и была особенно любезна съ поэтомъ.

Одинъ прїятель мой, Коблковъ, всегда отличался нѣсколько скептическимъ направленїемъ, и потому не совсѣмъ-то довѣрялъ моимъ повѣствованїямъ объ эмансипированной барынѣ.— Это меня задѣло за живое и я, для доказательства истинны моихъ словъ, предложилъ ему быть на Невскомъ въ два часа, гдѣ онъ непременно увидитъ ее подъ руку со мною.

— Это еще не доказательство, возразилъ мнѣ мой пріятель-скептикъ: эка штука пройдетъ подъ руку! мало-ли съ кѣмъ я хожу подъ руку!... нѣтъ, братъ, а вотъ въ чемъ дѣло: мы пикникъ устраиваемъ за городомъ, — вотъ пріѣзжай-ка ты туда съ нею — тогда повѣрю!...

Я далъ честное слово, что буду непременно и ее привезу съ собою...

И мнѣ ужъ мечталось о томъ, какъ я войду съ ней въ ярко-освѣщенную залу, какъ она будетъ эффектнѣе всѣхъ, какъ мнѣ завидовать всѣ станутъ. Она исполняла много моихъ капризовъ, и потому я былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что она поѣдетъ со мною, и въ тотъ же вечеръ объявилъ ей свое желаніе.

Она, къ тогдашнему крайнему моему удивленію, пришла въ нѣкоторое замѣшательство.

— Какое ты у меня глупое дитя! проговорила она, взявъ меня за ухо, да развѣ я могу на пикникъ поѣхать?...

— Да почему же нѣтъ, когда я хочу?

— Фи!... за кого жъ ты меня считаешь? я думала, что ты больше станешь уважать меня, мать свою...

— А я хочу, чтобы ты ѣхала! продолжалъ я настойчиво: я далъ слово и за себя, и за тебя...

Она вдругъ вскочила, какъ ужаленная.

— Слово? произнесла она тревожно-торопливо, какъ слово?... кому слово?...

Я понялъ, что сдѣлалъ величайшую глупость; но... было уже поздно.

— Такъ развѣ ктонибудь уже знаетъ о нашихъ отношеніяхъ? стремительно спросила она, стараясь какънибудь измѣниться въ лицѣ.

Я потерялся, молчалъ и искренно хотѣлъ провалиться сквозь землю.

— А!... такъ вотъ какъ! произнесла она нѣсколько нараспѣвъ, какъ произносятъ это обыкновенно трагическія актрисы, и, пройдя два раза по комнатѣ, окинула меня холодно презрительнымъ взглядомъ.

— Отнынѣ, — начала она медленно, какъ бы придавая вѣсъ каждому своему слову, — наши прежнія отношенія кончились... Я сдѣлала величайшую глупость .. Вы еще мальчишка...

И она ровными шагами вышла изъ комнаты.

Минуть съ десять, какъ парализованный, сидѣлъ я неподвижно на своемъ мѣстѣ; сначала голова была пуста, даже ни одного намека какой либо мысли не промелькнуло въ ней; потомъ изъ груди какъ будто подошло что-то къ горлу, какъ будто замутило меня, и вдругъ пораженное самолюбіе стало душиить, буквально душиить мою грудь и спертое горло. Глаза съ какимъ то разсѣяннымъ, но въ тоже время съ упорнымъ вниманіемъ останавливались на какой нибудь одной точкѣ каждаго встрѣчнаго предмета... Слухъ, хотя разсѣянно, но какъ-то чутче сталъ прислушиваться къ тишинѣ, къ чиканью карманныхъ часовъ... А на дворѣ стоялъ темный, гнуснѣйшій изъ гнуснѣйшихъ вечеровъ; не то дождь, не то снѣгъ шелестилъ за темными,

мокрыми стеклами оконъ; мутно красными полосами фонари отражались въ обширныхъ лужахъ и тоскливо хрипѣла какая-то жалкая, дребезжащая шарманка съ претензіями на звуки флейты....

Я тихо, осторожно, всталъ съ своего мѣста, и, какъ убитый, побрелъ себѣ во-свояси. И странно: для меня какое-то злобное удовольствіе заключалось въ эту минуту въ томъ, чтобы, переходя черезъ улицу или идя по тротуарамъ, упорно, всею ступнею, ступать въ самую середину грязныхъ лужъ, а не обходить ихъ....

Въ ушахъ безпрестанно дребезжали хриплые звуки шарманки...

На другой день, вслѣдствіе прогулки по лужамъ, открылась лихорадка. Я слегъ въ постель и пролежалъ болѣе четырехъ недѣль.

А оскорбленное самолюбіе не скоро такъ уgomонилось....

Встрѣтилъ я какъ-то розовенькаго молодого офицера. Онъ весьма любезно подошелъ ко мнѣ.

— Ну что, часто вы бываете у нашей общей знакомой? спросилъ я его, послѣ нѣсколькихъ фразъ ничего незначащаго разговора.

Молодой человекъ какъ будто сконфузился и покраснѣлъ немного.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ невинно и крѣпко, я былъ у нее только два раза...

— Что жъ такъ?

— Да такъ... не сошлись во взглядахъ...

— А!..

Исключая этого, до нѣкоторой степени многозначительнаго «а», я не отвѣтилъ ничего болѣе: я понималъ, что значить это «не сошлись во взглядахъ».

Это было вскорѣ послѣ того, какъ я началъ выходить, оправясь отъ своей лихорадки.

Не прошло и недѣли со дня этой встрѣчи, какъ получаю я по городской почтѣ слѣдующее письмо:

«Доброе дитя мое!

«Сохранили ли вы и до сихъ поръ ту непритворную доброту, которая постоянно отличала ваше любящее, неиспорченное сердце? Если да, то забудьте то оскорбленіе, которое, въ порывѣ негодованія или минутнаго каприза, нанесла вамъ любящая васъ женщина; забудьте его, вспомя, *que je suis votre mère, mon bon enfant*, и приходите сегодня ко мнѣ... Пусть между нами идетъ все по старому!... Я объясню вамъ многое и многое, что поможетъ мнѣ оправдаться въ вашихъ глазахъ совершенно, а теперь пока признаю себя виноватой: я много думала безъ васъ въ это время, я предавалась серьезнымъ размышленіямъ въ тишинѣ своего уединенія, я дошла до яснаго убѣжденія, что въ то время я еще не созрѣла до пониманія полного идеала высоко-эмансипированной женщины. Я поняла теперь, и только теперь, что эмансипированная женщина должна стоять выше предразсудковъ своего вѣка и презирать ихъ съ высоты своего величія: не только туда,

куда вы меня звали, но повсюду, закрывъ глаза, пойду я за вами, какъ добрая, любящая подруга; только приходите, приходите ко мнѣ, милое, дорогое дитя мое!... Жду васъ....

«Вся ваша
Н. Н.»

Я прочиталъ это письмо, вспомнилъ про розовенькаго молодого человѣка, и пожалѣлъ, что они «не сошлись во взглядахъ». Тогда, *можетъ быть*, я и не получилъ бы этого призывающаго письма. Вообще, мнѣ стало какъ-то скверно, не знаю, за себя ли, или за эмансипированную барыню....

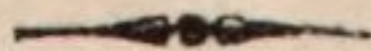
— Нѣтъ, ужъ будетъ съ меня! А что нравилось? Кружева, да тряпки, да бонтонность! подумалъ я, и бросилъ письмо подъ столъ.

У меня что-то пусто было въ груди и чувствовалась слабость, изрѣдка боль....

Мѣсяца чрезъ четыре потомъ, я видѣлъ свою эмансипированную барыню въ итальянской оперѣ: она граціозно сидѣла въ ложѣ съ какимъ-то хорошенькимъ юношей....

О Г Л А В Л Е Н І Е

	<i>Стр.</i>
I. Петя Вилевъ.	3.
II. Богданъ Сіонычъ	17.
II. Гнилушница съ Чернышева моста . . .	37.
III. Кухарка съ гильдейскаго двора. . . .	57.
IV. Извозникъ-ванька	71.
V. Лихачи.	95.
VI. Букинистъ.	117.
VII. Швейка	135.
VIII. Эмансипированная барыня	163.

ОТЪЕЗДЪ НА КОРОЛЕВЪ НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА

Смр.	1. Пота Пота
3.	2. Пота Пота
17.	3. Пота Пота
37.	4. Пота Пота
57.	5. Пота Пота
77.	6. Пота Пота
97.	7. Пота Пота
117.	8. Пота Пота
137.	9. Пота Пота
157.	10. Пота Пота

ОТЪЕЗДЪ НА КОРОЛЕВЪ НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА
СЪЮЗНИКА НА СЪЮЗНИКА НА

Krestovskij, Vsevolod Vladimirovič

Peterburgskija tipy očerki Vsevoloda Krestovskago

Sanktpeterburg 1867

P.o.russ. 60 a

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610049-7